

денегъ, такъ точно, какъ теперь дочери наши принимаются въ училище дѣвицъ духовнаго званія. Относительно дочерей нашихъ мы покойны внесши 50 р.; каждый отецъ знаетъ, что его дочь будетъ прилично одѣта, всегда накормлена, какъ и дома, а иногда и лучше, будетъ имѣть всѣ необходимыя учебныя пособія и получать воспитаніе. Такъ слѣдовало бы поступать и относительно дѣтей нашихъ—мальчиковъ». —

«Прочитавши распоряженіе епархіальнаго попечительства о томъ, пишетъ другой священникъ, что оно, на будущее время, приняло за неизмѣнное правило распредѣлять пособія заштатнымъ, вдовствующимъ и сиротствующимъ духовнаго званія, по благочинническимъ округамъ, соображаясь при выдачѣ такового съ суммами, представляемыми отъ каждаго округа, т. е. откуда поступитъ больше въ попечительство, туда больше и выдастся, а откуда меньше—меньше, я истинно обрадовался такому совершенно справедливому распоряженію, и при этомъ пожелалъ, чтобы такое же вниманіе внушено было, кому должно, и касательно свѣчной суммы, которая нынѣ, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, предоставлена полному распоряженію мѣстнаго епархіальнаго начальства (чего конечно можно ожидать и у насъ), и которая доселѣ вносилась отъ многихъ бѣднѣйшихъ церквей гораздо въ большемъ количествѣ, чѣмъ отъ богатыхъ; а потому желательно бы было, чтобы при опредѣленіи дѣтей нашихъ въ семинарію обращено было вниманіе на то, въ какомъ размѣрѣ лицомъ, представляющимъ сына, принимаемо было участіе въ составленіи этой суммы, т. е. сколько именно отъ той церкви, при которой служитъ священникъ, представляющій въ училище или семинарію сына, вносится свѣчной суммы, и судя по этому повышать или уменьшать плату за содержаніе въ корпусѣ». — Но объ этомъ рѣчь еще впереди. Дай Богъ, чтобы духовенство наше удачно рѣшило на практикѣ вопросъ о содержаніи семинарій и училищъ, а все остальное легко сдѣлается само собою; сомнѣваться въ несочувствіи нашего духовенства къ улучшенію духовно-учебныхъ заведеній нашей епархіи нѣтъ никакого, по-

вторяемъ еще разъ, основанія. Мы слышали, что духовенство бывшаго военнаго поселенія думаетъ далеко больше взнести отъ своихъ церквей суммъ въ пользу семинаріи, чѣмъ сколько предположено это по смѣтѣ духовной консисторіи; конечно, это такъ и будетъ, вѣдь духовенство это очень хорошо знаетъ, что со дня отчисленія сихъ церквей въ военное поселеніе они ни одной копѣйки не отчисляли и доселѣ еще не отчисляютъ въ пользу тѣхъ училищъ, гдѣ и сами получили и ихъ дѣти получаютъ воспитаніе, при чемъ сироты пользовались и пользуются такимъ же казеннымъ содержаніемъ, какъ и сироты тѣхъ лицъ, отцы которыхъ заботились объ увеличеніи свѣчной суммы. Да, мы не думаемъ, чтобы оно уронило себя въ глазахъ прочаго духовенства!

Большимъ пособіемъ, какъ мы полагаемъ, послужатъ къ поддержанію нашей семинаріи и наши монастыри, особенно въ этомъ отношеніи можно полагаться на святогорскую успенскую пустынь, для которой, судя по тѣмъ доходамъ, какіе она ежегодно получаетъ, не составитъ ни малѣйшаго ущерба, если она отчислитъ на это доброе и св. дѣло тысячи двѣ и даже болѣе рублей; такъ по крайней мѣрѣ мы слышали отъ нѣкоторыхъ отцевъ и братіи этой св. обители. Отъ святогорской пустыни, конечно не отстанутъ монастыри: харьковскій—покровскій, ахтырскій и куряжскій. Женскія же св. обители конечно внесутъ свою лепту на содержаніе училища дѣвицъ духовнаго званія.

Приготовительныя училища для дѣтей духовенства. Въ смоленской епархіи въ сентябрѣ 1865 г. открыто приготовительное училище для дѣтей духовенства въ селѣ Желанѣ, юхновскаго уѣзда, а въ февралѣ 1866 г. въ селѣ Столбовѣ гжатскаго уѣзда.

Число людей, умершихъ отъ сотворенія міра. Извѣстный статистикъ Дюпенъ вычислилъ, что отъ сотворенія міра до нашего времени умерло 26,628,843,285,075,840 человекъ.

Р Ѣ Ч Ъ

ПРЕДЪ МОЛЕБСТВІЕМЪ О ЗДРАВІИ ВЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА,

10 АПРѢЛЯ, 1866 ГОДА.

Молю прежде всѣхъ творити молитвы, прошенія, благодаренія. . . за Царя. 1 Тим. 2, 1.

Еще такъ недавно — три дня тому назадъ — мы возносили теплыя молитвы и благодаренія за нашего Царя, за спасеніе Его безцѣнной жизни, за ту величайшую милость, какую явилъ Господь и Ему и всѣмъ намъ, всей Россіи. Нынѣ мы снова призываемъ васъ усердно помолиться за нашего возлюбленнаго Государя, за ту великую милость, какую явилъ Онъ самъ пастырямъ церкви въ лицѣ ихъ воспитывающихся чадъ, а чрезъ нихъ явилъ и всей отечественной церкви.

Нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ васъ, если не всѣ, не разъ слышали недобрые отзывы о нашемъ духовномъ воспитаніи и образованіи. Многіе, можетъ быть, и сами не разъ изрекали слова порицанія и осужденія и на нашихъ духовныхъ воспитателей, и

на духовныхъ воспитанниковъ. А многіе ли, скажите, принимали на себя трудъ разсудить о дѣлѣ безпристрастно и справедливо? Многіе ли обращали вниманіе на то, какъ скудны, какъ ничтожны тѣ средства, какими обуславливалось доселѣ наше духовное образованіе? Многіе ли относились къ вопіющимъ нуждамъ нашихъ духовныхъ училищъ съ живымъ сочувствіемъ и благожеланіемъ? Но, благодареніе Господу, есть на святой Руси Тотъ, Кто всегда готовъ сочувствовать всѣмъ намъ въ нашихъ истинныхъ нуждахъ; есть Царь-Отецъ, для котораго равно дороги всѣ Его подданные — дѣти, который изливаетъ и не престаётъ изливать свои милости безъ исключенія на всѣ сословія государства, отъ высшихъ до самыхъ низшихъ и отъ низшихъ до высшихъ. Есть на святой Руси Покровитель и Защитникъ православной церкви и ея первородный сынъ, который, ревнуя о благоденствіи и процвѣтаніи нашего дорогаго отечества, не менѣе ревнуетъ и о благоденствіи отечественной церкви, о процвѣтаніи въ ней вѣры и благочестія — этихъ главныхъ условій для счастья, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ цѣлыхъ царствъ и народовъ. Онъ-то, благосердый и любвеобильный, отечески воззрѣлъ на наше духовное юношество и на крайнія нужды въ дѣлѣ его воспитанія, — и благоволилъ назначить значительнѣйшія пособія изъ государственныхъ суммъ для поддержанія, улучшенія и возвышенія нашихъ духовныхъ училищъ. Святѣйшій синодъ, въ чувствахъ безпредѣльной признательности къ Помазаннику Божію за этотъ новый знакъ Его царственного попеченія о св. церкви, пригласилъ все отечественное духовенство совершить торжественныя молебствія къ Господу-Богу о здравіи и благоденствіи благочестивѣйшаго Монарха.

А мы, ваши пастыри, приглашаемъ и васъ принять участіе въ этихъ нашихъ молитвахъ, усилить ихъ и подкрѣпить ваши-

ми сердечными молитвами. Ибо благодѣяніе Государя, оказанное намъ, простирается и на всѣхъ васъ. Вы сами знаете, что изъ всѣхъ потребностей нашей природы, для которыхъ люди соединялись въ общества, самыя высшія суть потребности религіозныя, которымъ можетъ удовлетворять только одна истинная вѣра Христова. Знаете, что для насажденія этой спасительной вѣры въ сердцахъ людей, для распространенія ея, поддержанія и утвержденія, для воспитанія христіанъ въ благочестивой жизни, для освященія ихъ таинствами церкви, необходимы духовные пастыри, установленные самимъ Христомъ Спасителемъ, — необходимы, какъ учителя, какъ священнодѣйствователи и какъ руководители вѣрующихъ къ горнему отечеству. Чѣмъ достойнѣе будутъ эти пастыри, чѣмъ будутъ они образованнѣе, нравственнѣе и ревностнѣе, чѣмъ болѣе будутъ приготовлены и способны къ своему высокому служенію: тѣмъ успѣшнѣе будетъ самое ихъ служеніе, тѣмъ больше пользы будутъ они приносить своимъ духовнымъ чадамъ, тѣмъ полезнѣе будутъ они своимъ нравственнымъ вліяніемъ и для своего земнаго отечества. Значитъ, новая милость царская, предназначенная для лучшаго и достойнѣйшаго приготовленія будущихъ пастырей нашей церкви, есть по истинѣ милость всѣмъ сынамъ отечественной церкви.

Вознесемъ же, братіе мои по вѣрѣ и отчизнѣ, вознесемъ всѣ вмѣстѣ, и пастыри и пасомые, наши пламеннѣйшія молитвы о нашемъ возлюбленномъ Государѣ, да хранитъ Его Господь Богъ на многія и многія лѣта, да благословляетъ всѣ Его царственныя начинанія и дѣла, и да удостоитъ Его вкусить и сладкіе плоды тѣхъ неусыпныхъ попеченій и трудовъ, какіе подымлетъ Онъ, Отецъ нашъ, для блага Россіи и св. православной церкви. Аминь.

Р Ъ Ч Ь

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

и по случаю благодарственнаго молебствія о спасеніи Его жизни,
совершеннаго на соборной площади по желанію жителей города
Харькова,

сказанная преосвящ. Макаріемъ, архіепископомъ
харьковскимъ и ахтырскимъ, въ кафедральномъ
соборѣ, 17 апрѣля 1866 года.

*Воздадите кесарева кесареву и Божія
Богамъ. Матѣ. 22, 21.*

Сколько разъ уже мы торжествовали день рожденія нашего
благочестивѣйшаго Государя! Но никогда этотъ священный день
не имѣлъ для насъ такой особенной торжественности, какую
имѣетъ нынѣ. Нынѣ съ радостію о рожденіи нашего Августѣй-
шаго Отца невольно соединяется для насъ другая радость, еще
живѣйшая, радость о Его чудесномъ спасеніи, которое соверши-
лось такъ недавно и отъ котораго доселѣ трепещутъ наши серд-
ца. Господь Богъ, даровавшій Ему нѣкогда жизнь въ Его рож-
деніи, теперь какъ-бы вновь даровалъ эту драгоцѣннѣйшую жизнь
и Ему и всей Россіи, отклонивъ отъ Него убійственную руку

злодѣя. О, братіе — сыны Россіи! Чѣмъ же мы воздадимъ Царю царствующихъ, нашему Благодѣтелю? Уже-ли одними только чувствами, одними словами благодарности, одними молитвами?

Богъ спасъ нашего Царя: значитъ, любить Его; значитъ, Царь нашъ есть не только Богоизбранный и Боговѣнчанный, но и Богомъ возлюбленный. Какою-жъ любовію, искреннею и безпредѣльною, должны окружать Его мы? До какой степени должна простирается наша преданность къ Нему и наша вѣрность?

Богъ спасъ нашего Царя: значитъ, всѣ Его царственныя предначертанія, узаконенія, преобразованія, всѣ Его царскія дѣла, совершаемыя для счастія Россіи, угодны Богу и благословляются Имъ. Не ясное ли указаніе для насъ, чтобы мы отзывались на всѣ распоряженія нашего возлюбленнаго Монарха [съ полнымъ сочувствіемъ, принимали всѣ Его узаконенія съ совершенною покорностію, проводили ихъ въ жизнь, старались осуществлять ихъ съ величайшею ревностію?

Богъ спасъ нашего Царя, спасъ, безъ сомнѣнія, для насъ, для всей Россіи: значитъ, Господь еще любитъ землю русскую, любитъ насъ — грѣшныхъ или, по крайней мѣрѣ, еще щадитъ насъ, еще милуетъ, не смотря на всѣ беззаконія, которыми мы огорчаемъ Его. Какое-жъ сердце русское, христіанское, не услышитъ въ этой новой величайшей милости Божіей къ намъ — недостойнымъ того неумолкающаго гласа, которымъ Отецъ небесный постоянно зоветъ насъ къ себѣ, какъ чадъ заблудшихъ, чтобы мы вспомнили о Немъ, обратились къ Нему всѣмъ сердцемъ, оставили путь нечестія и исполняли Его св. волю для нашего-же счастія, временнаго и вѣчнаго?

Сыны Россіи! Нѣтъ сомнѣнія, что вы никогда не забудете чрезвычайнаго благодѣянія, какое совершилъ для васъ Господь чудеснымъ спасеніемъ жизни вашего Царя, — Царя - Освободителя,

Царя-Преобразователя, Царя-Отца. О, не забывайте же никогда и тѣхъ нравственныхъ уроковъ, какіе указалъ или напомнилъ вамъ Господь этою чрезвычайною милостію. Служите со всею любовію и ревностію и Царю земному и Царю небесному. Воздавайте всегда и во всемъ и кесарева кесареви и Божія Богови. Будьте и истинно-русскими и истинными христіанами. Аминь.

ГРЕКО-УНИТЫ ОСТРОВА КИПРА

въ XIII — XVI ст.

Что такое унія? При всей ясности значенія этого слова, указывающаго на *единеніе* нѣкоторыхъ восточныхъ христіанъ съ римскимъ престоломъ, въ историческомъ примѣненіи его встрѣчается много разнообразныхъ оттѣнковъ. Какъ слѣдствіе насилія совѣсти, унія поддерживалась или властію гражданскою, или обещивалась обѣщаніемъ выгодъ житейскихъ, но должна была щадить многія убѣжденія и благочестивые обычаи *соединенныхъ*, и, по мѣрѣ твердости послѣднихъ въ вѣрѣ, то уступала имъ многое изъ прежняго исповѣданія, то искусствомъ, хитростію или насиліемъ *отучала* отъ праотеческой вѣры.

Мысль объ уніи греческой церкви съ римскимъ престоломъ въ смыслѣ подчиненія палѣ римскому и принятія латинскихъ новоизмышленныхъ ученій хотя появилась еще въ IX вѣкѣ, но дѣйствительную поддержку и осуществленіе нашла въ концѣ XI вѣка, когда успѣхи крестоносцевъ на востокѣ позволили папамъ уже *требовать* отъ вост. христіанъ единенія, понимаемаго не въ смыслѣ братскаго единенія, извѣстнаго древней церкви. Православной греческой церкви, особенно во времена крестовыхъ походовъ, грозило или истребленіе, или подчиненіе латинянамъ: въ XIII ст. латинская іерархія утвердилась едва не во всѣхъ областяхъ греческой имперіи и въ первомъ порывѣ своего воинскаго деспотизма предложила православнымъ христіанамъ выборъ между

подчиненіемъ римскому престолу и мученичествомъ; инквизиція, вмѣстѣ съ доминиканскими монахами, проникла на востокъ и усердно хлопотала объ истребленіи схизматиковъ.

Но скоро опасеніе гражданскихъ возмущеній и неудачный ходъ крестоносныхъ дѣлъ заставили и папу, и мѣстныхъ латин. владѣльцевъ сдѣлать значительныя уступки покореннымъ: уже стали договариваться объ условіяхъ уніи болѣе кроткимъ тономъ, старались по возможности смягчать эти условія, хотя не упускали благоприятныхъ случаевъ возвысить значеніе латинской церкви и народности на счетъ бѣдствовавшей церкви и народности восточной. Интересно и поучительно слѣдить за развитіемъ постановленій лат. іерархіи касательно уніи: въ существѣ ихъ всегда лежатъ человѣческіе виды, никогда въ нихъ не проглядываетъ искренности отношеній, но всегда — самообольщеніе непризванныхъ благодѣтелей и безцеремонное отношеніе къ истинѣ; почти непримиримая вражда, какую возбуждали въ *соединенныхъ* отношенія ихъ владыкъ-пастырей, служить достаточною порукою, что власть церкви римской была не отеческая и не безъ причины считалась бѣдствіемъ.

Въ этомъ отношеніи церковныя дѣла на островѣ Кипрѣ, XIII — XVI ст., заслуживаютъ вниманіе людей, интересующихся духовною жизнію народовъ, потому что проясняютъ отношенія двухъ вѣроисповѣданій и характеръ *sanctissimæ unionis*, которою любятъ похвастаться римляне.

Утвержденіе латинянъ на островѣ относится къ 1191 году. Тогда король англійскій Ричардъ I, оскорбленный кипрскимъ владѣтелемъ, Исаакіемъ Комнинымъ¹, взялъ его въ плѣнъ, а

¹ Исаакій Комнинъ, племянникъ импер. Мануила, по смерти его объявилъ себя императоромъ кипрскимъ (1180 г.). Ричардъ зато-

островъ передалъ за извѣстную плату рыцарямъ темпляріямъ (храмовникамъ). Эти воины-монахи тотчасъ занялись *обраще-ніемъ* кипріотовъ и сожгли нѣсколько духовныхъ и мірянъ; но знать греческая подняла знамя бунта, и рыцари, не справившись съ мятежниками, отказались отъ Кипра. Ричардъ, успокоивши ласковыми словами недовольныхъ, отдалъ свое пріобрѣтеніе изгнанному египетскимъ султаномъ королю іерусалимскому, Гвидону Люзиньяну, который раздѣлилъ весь островъ на нѣсколько *фео-довъ* или рыцарскихъ помѣстій, которыми могли владѣть только *католики*, будутъ ли то греки, или западные пришельцы. Съ поземельными владѣніями кипріотовъ было поступлено такъ, какъ въ старину герм. народы поступали съ своими завоеваніями: половина земли была отдана вассаламъ, да и оставшееся у грековъ все-таки вошло въ составъ рыцарскихъ леновъ; сами греки обратились въ крѣпостныхъ людей, какъ замѣтилъ и бывшій на Кипрѣ ольденбургскій каноникъ Виллебрандъ (1212): *domini hujus terrae Franci sunt, quibus Graeci et Normenii, ut coloni, obediunt*¹. Неофитъ іеромонахъ такъ описывалъ состояніе коренныхъ жителей острова въ 1203 г.: «вотъ уже двѣнадцать лѣтъ какъ наши дѣла все идутъ къ худшему. И самъ духовный сынъ нашъ (говорится о какомъ-то знатномъ грекѣ), не смогшій ни

чилъ его въ одинъ замокъ близъ Триполя: но вскорѣ, не безъ вѣдома Ричарда, онъ бѣжалъ отсюда, и на дорогѣ во владѣнія греч. имперіи былъ отравленъ однимъ изъ своихъ спутниковъ.

¹ Любопытное описаніе путешествія Виллебрандова помѣщено Аллатіемъ въ его сборникѣ: *Σύμμιγτα, sive opusculorum graecorum et latinorum, vetustiorum ac recentiorum, libri duo. Coloniae Agrippinae. 1653.* Объ іерархическомъ устройствѣ острова говоритъ: «латиняне имѣютъ одного архіепископа и трехъ епископовъ; греки—13 епископовъ, изъ коихъ одинъ архіепископъ».

видѣть, ни слышать, ни сносить бѣдствій, послѣ многихъ усилій убѣждалъ, милостію Божіею, жестокихъ рукъ со всѣми людьми своими, и отъ константинопольскаго императора Ангела получилъ достоинство севаста. Бѣдствія этой страны таковы, что всѣ богатые оставляютъ здѣсь свои богатства, свѣтлыя жилища, сродниковъ, домашнихъ, слугъ, многочисленныя стада, плодоносныя поля, виноградники, и съ поспѣшностію удаются тайкомъ въ другія страны и въ царствующій градъ. Но кто изобразитъ гоненія, заключенія въ темницы, вымогательства денегъ въ столько-то и столько-тысячъ? ¹.

Латинская іерархія утвердилась тутъ уже съ 1192 г., тотчасъ послѣ завоеванія острова; папа Целестинъ постановилъ быть здѣсь четыремъ лат. кафедрамъ съ архіепископіею въ г. Фамагустѣ; но до самаго 1215 года греческіе епископы острова имѣли и своего архіепископа. А тогда королева Алоизія, за отсутствіемъ мужа Гугона Люз., управлявшаго государствомъ, послала уполномоченныхъ на латеранскій соборъ и изхлopotала у Иннокентія III слѣдующія распоряженія: 1) чтобы латинскій архіепископъ жилъ въ Никосіи, новой столицѣ королевства, а прочія три кафедры латин. находились въ Фамагустѣ, Немосіи и Пафѣ; 2) чтобы число греческ. епископовъ, доходившее до шестнадцати, было ограничено четырьмя; 3) латин. архіепископъ управлялъ бы, до смерти греч. архіепископа Симеона, только латинянами, а послѣ того пользовался властію примаса надъ всѣми христіанами острова; 4) по смерти греческаго архіепископа и прочихъ греческихъ епископовъ, ихъ церкви и доходы должны

¹ Письмо Неофита *περί τῶν κατὰ Κύπρον χάρων σκισμῶν* (о бѣдствіяхъ Кипра) помѣщено въ Monumenta ecclesiae graecae, ed. a Costelerio, Parisiis, 1681 anno, во 2 томѣ.

перейти къ латинянамъ, кромѣ четырехъ дозволенныхъ епископскихъ кафедръ для грековъ¹.

Неизвѣстно въ точности, въ какомъ году умеръ греч. архіепископъ Симеонъ; только послѣ него греки еще избрали себѣ, противъ воли правительства, архіепископа: таковымъ былъ *Неофитъ*, упомянутый выше. Но латинскіе духовные, опираясь на мірскую силу, захватывали церкви и все божественное старались присвоить себѣ, говорилъ патріархъ греческій, Германъ, въ 1223 году. «И законный архипастырь, блаженнѣйшій архіепископъ кипрскій, киръ Неофитъ, изгнанъ съ престола, а пришлый человѣкъ латинскаго рода, возсѣдая на ономъ, говоритъ, что онъ никакъ иначе не допуститъ епископовъ и прочихъ священниковъ пасти и учить народъ римскій (т. е. грековъ), какъ развѣ они изъявляютъ покорность, и сдѣлаютъ приличный взносъ денегъ ему, новому и незаконному архіерею; въ противномъ случаѣ они будутъ совершенно изгнаны изъ острова».

Въ такихъ обстоятельствахъ все православное населеніе Кипра обратилось къ патріарху Герману, жившему въ Никеѣ; спрашивало его: что дѣлать? съ этимъ порученіемъ явились въ Никею (1223 г.) отъ лица всѣхъ православныхъ кипріотовъ (какъ грековъ, такъ и сирянъ) епископъ солійскій Леонтій, и другой Леонтій, игуменъ монастыря полыньковаго². Послы сказали, что

¹ См. примѣчаніе іезуита Гавріила Коссарта къ актамъ латеранскаго IV собора (*Harduini Acta concil. ed. 1714, Parisiis, tom. VII. pag. 83*).

² Монастырь *Αψιδίου* или полыньковый—верстахъ въ 20 отъ Левкасіи, названъ такъ потому, что икона пресвятыя Богородицы, въ честь коей и монастырь основанъ, обрѣтается въ нѣкоей малой пещерѣ, кустомъ полыннымъ зарослой. (Барскаго, «Путешествіе ко св. мѣстамъ», стр. 414, изд. 1785 г.).

латинскій архієпископъ, не желая и слышать о греческомъ, принуждаетъ подчиняться себѣ епископовъ и прочія лица священническаго чина, и только подъ такимъ условіемъ, обѣщаетъ оставить за ними ихъ епископства и право совершать священнодѣйствія. Патріархъ разсуждая, что «оставить столько народа безъ пастырскаго попеченія есть великій и тяжкій грѣхъ, а уступить волѣ латинянъ и съ отщепенцами заключить союзъ единенія не согласно съ строгостію каноновъ, и не сообразно съ обычаями церкви», опредѣлилъ: *о самомъ видѣ подчиненія, требуемаго латинянами, отнести къ собору.*

На соборѣ было предложено епископу и игумену сказать по сущей правдѣ, чего собственно требуютъ отъ нихъ латиняне? И они объявили, что латиняне непремѣнно требуютъ сихъ трехъ вещей: 1) подавать другъ другу руки, священники священникамъ, наши латинянамъ, ибо это считается полнымъ обезпеченіемъ отъ непріязни, знакомъ покорности обстоятельствамъ¹; 2) чтобы римлянинъ (*ρωμαῖος*, т. е. грекъ), возводимый на священную степень епископства или священства, или производимый въ настоятеля монастырю, послѣ избранія своими единоземцами, безъ воли латинскаго архієпископа, не вступалъ въ отправленіе своей должности,—и этого латиняне требуютъ единственно сквернаго ради прибытка; 3) пусть греки подлежатъ суду своихъ епископовъ; но если кто изъ судящихся захочетъ обратиться къ

¹ Отечественнымъ обычаемъ зап. народовъ было, въ знакъ вѣрности, подавать правую руку государю или высшему лицу; подавали другъ другу руки, въ знакъ вѣрности и союза, лица равныя. «Въ сокращенномъ сказаніи о дѣлахъ Алексѣя Комнина», кн. 1 гл. 6, говорится: «франки, сошедши съ коней, по отечественному своему обычаю, подавали ему (т. е. полководцу греч. Вріеннію) правыя руки въ знакъ вѣрности».

латинскому архіепископу съ алелляціею, будетъ ли то клирикъ, или мірянинъ, то окончательный приговоръ ему принадлежитъ.

Что касается перваго пункта, патріархъ соборнѣ опредѣлилъ: если, не отступая отъ канонѡвъ, преданій, обычаевъ и самой вѣры, что-нибудь благоразсмотрительно, и безъ оскорбленія церкви Христовой, могутъ дѣлать кипрскіе епископы и нѣкоторыми уступками поддержать свои церкви, которымъ грозитъ паденіе, то можно извинить такой порядокъ вещей». Когда же на соборѣ многіе, особенно бѣжавшіе изъ Константинополя, подняли вопль противъ такого рѣшенія... то патріархъ, и не желая оставить безъ помощи кипріотовъ, которымъ нельзя жъ было поголовно оставить родину, и вмѣстѣ опасаясь, чтобъ «пассажировъ собственнаго корабля не довести до возмущенія и раздоровъ», предоставилъ христіанской совѣсти cadaго слѣдующее наставленіе апостола Павла: *умоляю васъ, братіе, остерегайтесь производящихъ раздѣленія и соблазны, вопреки ученію, которому вы научились, и уклоняйтесь отъ нихъ. Ибо такіе люди служатъ не Господу нашему Иисусу Христу, а своему чреву, и ласкательствомъ и красноглаганіемъ оболъщаютъ сердца людей простодушныхъ* (Рим. 16, 17 — 18 ст.). И всѣмъ христіанамъ острова Кипра заповѣдалъ быть подражателями церкви константинопольской, которой питомцы, имѣя общую паству съ волками, сохранили печать вѣры¹, а если нѣкоторые и

¹ Форму или видъ своего подчиненія рим. престолу константинопольскіе греки такъ заявили папѣ Иннокентію III въ 1209 году: «поелику благодарованный и христолюбивый царь нашъ (Генрихъ) повелѣлъ намъ воздавать величію твоему подобающую честь, то мы уважили повелѣніе его благодушія и положили свидѣтельствовать тебѣ, владыко, подобающую честь — возглашеніемъ, по окончаніи службы: *Иннокентію, владыкѣ и папѣ древняго Рима, многая лѣта!* См. *Αἰτιαματα λατιν. ἐκκλησίας* въ Monumenta ecclesiae Graecae, Tom. 3.

пострадали что-либо, но прибѣгли къ *ритинѣ галаадской* (Іер. 7. 22) и къ духовнымъ врачамъ сего мѣста (т. е. Никеи). Потому, если-бы случилось, что пастыри кипрскіе, сошедшись съ волками, и, воюя за собственныхъ овецъ и заботясь о спасеніи ихъ, уступали въ чемъ-либо (чего да не будетъ), увѣщаваемъ ихъ не впадать тотчасъ въ нечаяніе, не отлагать надежды спасенія, не прилагать беззаконія къ беззаконію и не поспѣшать на худшее, чтобы слиться съ иноплемениками и научиться дѣламъ ихъ, но пусть не медля встаютъ отъ паденія и спѣшатъ ко врачу».

Что касается другихъ двухъ пунктовъ, то смиренію нашему (говоритъ патріархъ) это дѣло кажется безразличнымъ, на которое и латиняне настаиваютъ только въ надеждѣ сквернаго прибытка, изъ корыстолюбія; наше смиреніе совѣтуетъ пастырямъ кипрскимъ — уступать латинянамъ².

Но латинская іерархія не хотѣла остановиться на этомъ: вскорѣ запылали инквизиціонныя костры, и безчеловѣчіе пришлого духовенства побудило самого патріарха Германа попытаться хоть нѣсколько умѣрить фанатическую ревность папистовъ. Въ 1231 году писалъ онъ съ этою цѣлію къ папѣ Григорію IX, и говорилъ, между прочимъ, слѣдующее; «грекамъ, кажется, свыше опредѣлено время мученичества: оно уже и наступило; открылись судилища тиранновъ, проливается кровь. О томъ, что я говорю, знаетъ весь славный островъ Кипръ, произведшій новыхъ мучениковъ и узрѣвшій воиновъ Христовыхъ, которые, пройдя чрезъ воду (разумѣются пытки инквизиціи), омывшись слезами и кровавымъ потомъ, отъ скорбей исповѣдничества не-

² Грамота патр. Германа на островъ Кипръ въ Monumenta eccl. Graecæ, Tom. 2, pag. 462—474.

решили къ смерти посредствомъ огня, и подвигоположникъ Богъ извелъ ихъ въ небесное успокоеніе. Хорошо ли это святѣйшій папа, преемникъ апостола Петра? Это ли заповѣдалъ Петръ, крсткій и смиренный ученикъ Христовъ?».

Но ни папа, ни клиръ его не думали отступать отъ любимаго правила «уклоняющихся отъ церкви (римской) предавать сатанѣ во изможденіе плоти» и заблуждающихъ силою загонять въ овчарню, какъ выразился папа въ отвѣтѣ патріарху, довольно занимательно оправдывая *казни* твердыхъ въ православіи и непокорныхъ римскому престолу: *uterque gladius ecclesiae traditur, sed ab ecclesia exercetur unus* (т. е. мечъ слова Божія), *alius pro ecclesia manu saecularis principis est eximendus; unus a sacerdote, alius ad nutum sacerdotis administrandus a milite*¹.

Затихли нѣсколько гоненія отъ латинянъ во время совѣщаній о примиреніи, происходившихъ въ виѣнскомъ городѣ Нимфеѣ²; они возобновились съ новою силою послѣ того, какъ, по окончаніи безуспѣшныхъ переговоровъ, патріархъ Германъ вторымъ посланіемъ на островъ Кипръ убѣждалъ «и грековъ, и сиріянъ» неизмѣнно держаться ученія церкви вселенской. Въ 1239 году латинскій архіепископъ Илія силою началъ принуждать греческое духовенство къ покорности, особенно заставлялъ признавать таинство Евхаристіи, совершаемое на опрѣснкахъ (чтобъ дать возможность латинскимъ священникамъ занимать греческіе приходы) и изрекъ анаѹему на не-уніатовъ: это значило — лишилъ ихъ всѣхъ гражданскихъ правъ. Избѣгая гражданскихъ

¹ Два посланія папы Григорія IX къ греческому патріарху помѣщены въ *Acta conciliorum*, Tom. VII, pag. 153—158. Первое посланіе писано въ 1233, а второе 1234 г.

² Совѣщанія въ Нимфеѣ происходили въ 1232—1234 годахъ.

истязаній, большая часть греческихъ монаховъ, со всѣмъ имуществомъ церковнымъ, бѣжали въ Арменію и Колхиду, изрекли съ своей стороны анаѹему на латинянъ и уніатовъ; церкви и монастыри бѣжавшихъ отданы были (по предписанію папы, отъ 3 апрѣля 1240 года) латинскому духовенству, но многіе съ того времени запустѣли. Къ этому, кажется, времени относится извѣстіе о сожженіи 12 греческихъ монаховъ, находящееся въ сочиненіи *Conta errores graecorum*, составленномъ въ 1252 году однимъ изъ константинопольскихъ доминиканцевъ: «греки, говорится тамъ, все еще послѣдуютъ Михаилу Керуларію и не боятся открыто называть латинянъ озимитами (опрѣсночниками). Ихъ ослѣпленіе касательно этого таинства нашего дошло до того, что они лучше избираютъ смерть на кострѣ, чѣмъ согласіе съ нами. Такъ, въ наше время на островѣ Кипрѣ 12 греческихъ монаховъ за сіе заблужденіе сдѣлались мучениками діавола».

Но нельзя-жъ было жечь всѣхъ, особенно въ такомъ государствѣ, которое постоянно страшилось близкихъ сосѣдей, и египтянъ, и азіатскихъ грековъ, которые уже готовились взять самый Константинополь. Потому, въ слѣдствіе представленій греческаго населенія, папа Иннокентій IV въ 1252 году позволилъ греческимъ епископамъ имѣть своего архіепископа, съ условіемъ — признавать *главенство папы*, а въ 1254 переслалъ кипрскимъ грекамъ и наставленіе, въ чемъ они должны мыслить согласно съ латинянами, и что изъ ихъ обычаевъ признается дозволеннымъ. Вотъ главные пункты: 1) Греки королевства кипрскаго въ совершеніи таинства миропомазанія должны соблюдать обычаи римской церкви, т. е. миропомазывать могутъ только епископы, и при томъ на челѣ только (*in frontibus*); но если нельзя безпрепятственно отмѣнить греч. обычай миропомазывать и другія части тѣла, то и послѣдній обычай можетъ быть терпимъ; 2)

всякій епископъ можетъ для своей епархіи устроить и освящать муро въ великій четвертокъ; но не возбраняется грекамъ соблюдать и свое древнее обыкновеніе, т. е. чтобы муро приготовлялось и освящалось только патріархомъ и подчиненными ему архіепископами и епископами, или архіепископомъ съ епископами; 3) въ примѣшиваніи воды холодной (въ проскомидіи) и теплой (предъ приобщеніемъ) къ вину греки, если хотятъ, могутъ соблюдать свой обычай; 4) что касается поста субботы во св. сорокадесятницу, то хотя лучше и спасительнѣе было бы не нарушать этого поста, греки могутъ, по произволу, оставаться при своемъ обыкновеніи; 5) греки не должны порицать или воспрепятствовать не только вторыхъ и третьихъ браковъ, но и четвертыхъ и такъ далѣе; 6) желаемъ, чтобы греки признавали *чистилище*, т. е. мѣсто, гдѣ души, въ жизни не принесшія покаянія, посредствомъ огня очищаются отъ малыхъ и не смертныхъ грѣховъ, кои и по смерти тяготятъ души, если не было церковнаго разрѣшенія. Но если кто умираетъ въ смертномъ грѣхѣ безъ покаянія, таковой, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ вѣчно мучиться въ пламени геенскомъ; а души дѣтей, умирающихъ послѣ крещенія, и взрослыхъ, умирающихъ безъ грѣховъ, требующихъ удовлетворенія, тотчасъ переходятъ въ обители безсмертія (*ad patriam crastinus transvolant sempiternam*).

Такимъ образомъ греки, по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ, успокоились, и, признавая своимъ верховнымъ епархіальнымъ владыкою одного папу, не обязаны были никакимъ видомъ подчиненія мѣстной латинской іерархіи. О томъ, какъ греки должны читать символъ вѣры, въ наказѣ папы Иннокентія не упоминается потому, что *этотъ пунктъ* служилъ всегда поводомъ къ разногласію и чѣмъ-то непримиримымъ; его обходили и только на практикѣ держались правила: *graeci credere tenentur etiam*

a Filio Spiritum Sanctum procedere, sed non tenentur pronunciare, nisi subesset scandalum (какъ письменно постановилъ папа Климентъ VIII въ 1595 году).

Благосклонность папы, дозволившаго грекамъ имѣть своего архіепископа, возбудила неудовольствіе архіепископа латинскаго. «Никосійскій архіепископъ (говорилъ папа Александръ въ 1260 г.), недовольный предѣлами своей епархіи и не имѣя права юрисдикціи какъ къ стоящему въ прямой зависимости отъ рим. первосвященника, такъ и къ подчиненнымъ ему въ томъ королевствѣ грекамъ, вызывалъ Германа лично явиться для отвѣта къ нему въ нѣкоторыхъ обвиненіяхъ, внесенныхъ на него, по словамъ вызывавшаго. И когда архіепископъ Германъ, не слушаясь приказанія, поелику и не обязанъ былъ повиноваться, поручилъ себя, свою церковь и подчиненныхъ себѣ грековъ, которыхъ уже сказанный никосійскій архіепископъ началъ притѣснять, покровительству апост. престола: то никосійскій архіепископъ, послѣ аппеляціи Германа къ рим. престолу и предпринятаго имъ путешествія къ намъ изъ-за этихъ дѣлъ, нанесъ Герману архіеп. и его церкви множество оскорбленій и вреда, лишая власти его намѣстниковъ, отвращая грековъ отъ повиновенія ему разными угнетеніями и грабежами, уничтожая церковн. опредѣленія и запрещенія его, и изрекая отлученіе даже на собственную его личность. Почему оный Германъ проситъ насъ, между прочимъ, приложить стараніе съ удержаніи никосійскаго архіепископа отъ обидъ, присвоенія не принадлежащей ему власти надъ греками, похищенія десятинъ и нарушенія другихъ правъ, принадлежащихъ Герману». Съ Германомъ вмѣстѣ явились къ папѣ и прочіе греческіе епископы: Нифонтъ солійскій, Іоакимъ карпаѳскій (острова Карпата) и Матѳей лескарскій; латин. архіепископъ,

съ своей стороны, прислалъ для защиты своего дѣла уполномоченныхъ отъ себя канониковъ.

Тогда папа, для умиренія враждующихъ партій и утвержденія спокойствія на островѣ, издалъ такъ называемое *кипрское учрежденіе* (Constitutio Cypria), которымъ на- всегда постановлялъ: «чтобъ впредь на о. Кипрѣ, кромѣ епархій латин., существовали только четыре греческія епархіи и каедральныя церкви, именно: одна епископія въ епархіи никосійской въ городѣ Соліи, другая въ пафенской въ городѣ Арсиноѣ, третія въ фамагустанской на островѣ Карпатѣ, и послѣдняя въ никосійской въ городѣ Лескарѣ, и по этимъ городамъ греч. епископы должны именоваться».

Далѣе: «если какая изъ означенныхъ каедръ будетъ праздною, то, призвавши благодать Св. Духа, греки могутъ избрать туда другаго епископа. Но утвержденіе должно зависѣть отъ латин. епископа той епархіи, и вновь избранный долженъ дать ему клятвенное обѣщаніе повиновенія въ такой силѣ: «Я, N, епископъ солійскій, никос. епархіи, отъ сего часа впредь буду вѣренъ и послушенъ св. Петру, св. рим. церкви, и господину моему N архіепископу никосійскому, и его законнымъ преемникамъ, и не буду ни совѣтывать, ни дѣйствовать, чтобы они потеряли жизнь или членъ какой, или потерпѣли какое зло отъ враговъ (vel capiantur mala captione). Рѣшенія, которыя они объявятъ маѣ лично, или чрезъ посланнаго, или чрезъ грамоты, я не открою никому, въ ущербъ имъ. Папство рим. церкви и архіерейство никосійской, и правила св. отцевъ я буду защищать и поддерживать, не оскорбляя своего сана, противъ всѣхъ враговъ. Званный на соборъ — пойду, кромѣ законныхъ препятствій; легата апостол. престола, о которомъ точно узнаю, приму съ почестями, когда станетъ входить и выходить, и помогу ему

въ его нуждахъ. Тако да поможетъ мнѣ Богъ и сіе святое евангеліе Божіе!». Эту клятву должны были греч. епископы давать — всякій своему владыкѣ.

Вмѣстѣ съ этимъ, папа повелѣвалъ: 1) чтобы въ греческихъ епархіяхъ не было консисторій, кромѣ тѣхъ, гдѣ онѣ существовали и прежде, до изданія «учрежденія»; 2) латинскіе епископы, по своему усмотрѣнію, могутъ отлучать и запрещать грековъ; 3) епископъ греческій съ своими игуменами и священниками обязанъ разъ въ годъ являться на соборъ архіепископа латинскаго, и исполнять соборныя опредѣленія, которыя однакожъ не должны быть противны греческимъ обычаямъ, терпимымъ рим. церковію. Но чтобы не обременять слишкомъ пастырей греческихъ, папа совѣтовалъ не принуждать ихъ являться на *провинціальныя* соборы, созываемые епископомъ; 4) въ уваженіе бѣдности грековъ (*considerata ipsorum paupertate graecorum*), папа велѣлъ лат. архіереямъ не учащать своими посѣщеніями, такъ, чтобы годовая сумма на пріемъ и вознагражденіе ихъ не превосходила *тридцати византиновъ*; 5) право взиманія десятинъ принадлежитъ архіереямъ латинскимъ.

Что касается личности греческаго архіепископа Германа, то папа опредѣлилъ слѣдующее: «хотя греческая церковь въ кипрскомъ королевствѣ, по настоящему распоряженію, не будетъ имѣть своего митрополита (*metropolitanum*, какимъ былъ архіепископъ), но мы желаемъ, чтобы сказанный Германъ, архіепископъ греческій, доколѣ живетъ, пользовался именемъ и честію архіепископскаго достоинства. Почему совершенно изъедемъ его отъ всякой власти никосійскаго архіепископа, и опредѣляемъ, чтобы, по удаленіи или смерти этого Германа, впредь не было въ королевствѣ греч. архіепископа».

«А чтобы онъ Германъ архіепископъ не скитался безъ опре-

дѣленной епархіи, то мы сказаннаго Нифонта, греч. епископа въ Соліи никосійской епархіи, разрѣшаемъ отъ клятвы, которою онъ обязался служить своей церкви, и переводимъ его, апостольскою властію и по совѣту уполномоченныхъ никосійскаго архіепископа, на еписк. греческій престолъ въ Арсиною, нынѣ праздный; а сказанному архіепископу Герману вручаемъ епархію солійскую, какъ съ духовною, такъ и мірскою властію, въ епископское управленіе, съ удержаніемъ для себя чести и имени архіепископскаго достоинства. А жить можетъ, гдѣ заблагорассудитъ — или въ городѣ Соліи, или при греческой церкви св. Варнавы въ Никосіи, которая всегда, согласно нашему постановленію, должна принадлежать вѣдѣнію упомянутаго престола».

«Когда же настоящій архіепископъ удалится, или умретъ на престолѣ, то мѣсто его должно быть занято простымъ епископомъ греческой націи, съ подчиненіемъ никосійскому архіерею, подобно какъ и прочіе греческіе епископы должны подчиняться латинскимъ архіереямъ». При этомъ папа требовалъ, чтобы Германъ, какъ управляющій солійскою епархіею, далъ по вышеприведенной формѣ клятву архіепископу никосійскому, не считая, впрочемъ, этого дѣла знакомъ подчиненія; а при посѣщеніи подвѣдомыхъ себѣ церквей долженъ наблюдать, чтобы въ итогѣ издержекъ на его пріемъ и вознагражденіе не выходило больше *шестидесяти* византиновъ (*золотая монета*).

Этимъ же «кипрскимъ учрежденіемъ» папа подтвердилъ, чтобы *сирійскіе христіане* королевства, какъ издревле имѣющіе съ греками одни обычаи церковные и обряды, подлежали вѣдѣнію греческихъ епископовъ. Въ это время, когда крестоносцы постепенно изгоняемы были изъ св. земли магометанами, многіе христіане бѣжали изъ Сиріи и селились на островахъ средиземнаго моря; на остр. Кипрѣ было кромѣ сиріянъ православной

церкви, еще много яковитовъ и маронитовъ; послѣдніе имѣли отдѣльную іерархію, также признававшую главенство римской церкви¹.

Что помянутыя нами распоряженія и опредѣленія римскаго престола не могли произвести соединенія мыслию и сердцемъ, понятно само собою: это было соединеніе политическое, и даже не столько соединеніе, сколько поработеніе грековъ латинянами. Обращено было вниманіе, главнымъ образомъ, на то, чтобъ латин. іерархія господствовала², а греческая считала милостію побѣдителей свое существованіе. Поглощеніе народностей латинствомъ, господство латинизма — такова была конечная цѣль *уніи* и на остр. Кипрѣ; къ тому вели и частнѣйшія распоряженія соборовъ, держанныхъ на островѣ архіепископами, иногда легатами римскими. Вотъ замѣчательнѣйшія изъ этихъ распоряженій: 1) объявлены еретиками всѣ тѣ, кои вѣрятъ и учатъ не такъ, какъ вѣритъ и учитъ церковь римская, кои не признаютъ римской церкви главою и учительницею всѣхъ церквей, а папу преемникомъ апостола Петра и намѣстникомъ (викаріемъ) Христовымъ; 2) повелѣно всѣмъ никосійскимъ грекамъ, кои миропомазаны или вступили въ бракъ по обряду церкви римской, и дѣтямъ ихъ, по крайней мѣрѣ однажды въ седмицу,

¹ Constitutio Cypria 1260 г. помѣщена Гардуинномъ in Actis conciliorum, Tom. VII; а опредѣленія папы Иннокентія IV — въ пятомъ томѣ: Theologiae cursus completi, ed. 1841.

² Что характеръ *уніи* былъ деспотически-правительственный, что унія влекла за собою непомѣрные денежные поборы съ грековъ, о томъ говорили даже сами лат. писатели XIII вѣка (*Matthei Paris.*, p. 778: Recessit ecclesia graeca a subjectione romanae propter ejusdem rom. ecclesiae varias enormitates, maxime in usuris, simoniis, justitiae venditionibus et aliis injuriis).

т. е. въ воскресный день, приходитъ въ большую латинскую церковь Никосіи для присутствія при богослуженіи, и тамъ исповѣдывать свои грѣхи латин. епископу, по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, и отъ той-же церкви по обряду латинскому принимать всѣ таинства; не принимая ихъ по обычаямъ и обрядамъ греческимъ, развѣ въ случаѣ необходимости, 3) греческіе епископы обязаны учить ввѣренный имъ народъ, что таинство евхаристіи, совершается ли на квасномъ хлѣбѣ, или на опрѣснокѣ, совершается законно. 4) При посвященіи епископовъ и священниковъ греки обязаны употреблять елей и миро, по обряду римской церкви; «а если не имѣютъ этого обряда, наблюдаемаго римскою церковію (сказано на провинціальномъ соборѣ 1280 г.), то пусть употребляютъ елей и миро по правиламъ, имѣющимся въ нашихъ книгахъ». 5) Тотъ-же соборъ опредѣлилъ: «кто безъ позволенія латинскаго епископа и мѣстнаго владѣльца будетъ греческимъ епископомъ посвященъ, такового священство не вѣняется въ священство, и греческій епископъ навлекаетъ на себя запрещеніе. 6) Тогда-же епископамъ греческимъ повелѣно отказаться отъ многихъ дѣлъ, подлежащихъ суду ихъ, и предоставить латинск. архіепископу и епископамъ разсмотрѣніе дѣлъ убійства, святотатства, дѣтоубійства, наложеніе публичнаго покаянія и проч., равно и отмѣну данныхъ кѣмъ-либо обѣтовъ. На соборѣ никосійскомъ 1340 года въ первый разъ возбужденъ вопросъ о символѣ вѣры. На этомъ соборѣ присутствовали и всѣ греч. епископы: *Леонтій* солійскій, *Матѳей* арсинойскій, *Климентъ* лескарскій и *Михаилъ* карпаѳскій. Въ соборныхъ опредѣленіяхъ говорится:

«Поелику въ королевствѣ кипрскомъ, во всѣхъ городахъ и епархіяхъ, живутъ смѣшанно люди разноязычные, имѣющіе при одной вѣрѣ различные обряды и обычаи, которыхъ и слобомъ

и примѣромъ обязаны наставлять ихъ собственные, ихъ языка и обычаевъ, епископы и предстоятели: то, чтобъ и сказанные предстоятели, прогнавши всякій мракъ заблужденій, ходили въ сіяніи истиннаго свѣта и спасительнаго ученія, и подчиненныхъ имъ людей лучше наставляли, мы опредѣлили ясно изложить исповѣданіе вѣры, содержащее св. церковь римскую, чтобы, такимъ образомъ, они, вождь ихъ, и сами могли шествовать путемъ истины и исправлять различныя заблужденія».

«Именно: кто хочетъ спастись и считаться католикомъ, твердо долженъ вѣровать и исповѣдывать въ простотѣ сердца, что единъ только есть истинный Богъ — Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, три лица, но одно существо, вѣчностъ, одно естество, Отецъ ни отъ кого не заимствуетъ бытія, Сынъ — отъ Отца, Духъ Свят. отъ того и другаго (*ab utroque*), не какъ изъ двухъ началъ, но изъ одного начала, исходя не двумя дуновеніями, но однимъ. Такъ доселѣ исповѣдывала, признавала и учила, такъ содержитъ и проповѣдуетъ св. римская церковь, мать и учительница всѣхъ вѣрныхъ. Таково неизмѣнное и истинное ученіе православныхъ отцевъ и учителей, какъ латинскихъ, такъ и греческихъ».

Далѣе заповѣдуются признавать и *чистилище*, и постановлено таинство мѣропомазанія совершать только епископамъ; а если простые священники дерзнутъ совершать его, *nihil agunt*.

Предписанное исповѣданіе вѣры, всѣ и каждый, жители Кипра должны содержать неизмѣнно, говор. соборъ, если не хотятъ подвергнуться мести всемогущаго Бога, св. римск. церкви и святѣйшаго владыки нашего, господина папы Венедикта XII. Чрезъ 10 лѣтъ (1350 года) архіеп. Филиппъ на соборѣ въ Никосіи постановилъ: 1) что греческая женщина, если хочетъ вступить въ бракъ съ франкомъ, должна быть мѣропомазана по установ-

ленію римск. церкви, и если мужчина грекъ желаетъ имѣть въ супружествѣ женщину римск. исповѣданія, то также обязанъ просить мвропомазанія, а дѣти отъ такого брака должны быть воспитываемы въ вѣрѣ и обычаяхъ латинскихъ, *pro francis habeantur et teneantur*, 2) священники греч. не должны совершать требъ для людей римскаго исповѣданія, равно и франкскіе — для грековъ, такъ впрочемъ, что латинскіе священники могутъ принимать въ свою паству всякаго грека, который пожелаетъ того. — Таковы дошедшія до насъ замѣчательнѣйшія постановленія латин. іерархіи для подавленія греч. вѣроисповѣданія и утвержденія латинства на о. Кипрѣ; на практикѣ конечно случилось и больше. Греч. епископы, по опредѣленіямъ латеранскаго собора (1215) и узаконеніямъ Александра папы (1260 г.), бывшіе только *викарными* латинскихъ, обязаны были принимать, что имъ приказывали, и подписываться подъ соборныя опредѣленія — «смиренно, благоговѣнно, по собственной волѣ, отложивши всякій страхъ»¹.

Но всѣ усилія латинск. іерархіи не смогли достигнуть своей незаконной цѣли: латиняне сами хорошо знали, что *унія* есть чисто политическое явленіе, готовое измѣнить свой видъ при перемѣнѣ политическаго значенія латинянъ на востокѣ, и потому съ одной стороны стращали казнями Божіими схизматикамъ, съ другой всегда были готовы жечь приверженныхъ къ православной вѣрѣ.

Въ подтвержденіе перваго, что, то есть, латиняне весьма не довѣряли усердію грековъ къ *уніи*, можно указать на мѣсто въ житіи римской святой Бригитты, шведки, которая въ половинѣ

¹ Собраніе всѣхъ документовъ, поясняющихъ кипрскую унію въ XIII и XIV в., находится въ седьмомъ томѣ «Дѣяній соборныхъ», изд. Гардуинномъ.

XIV вѣка прожила нѣсколько времени на о. Кипрѣ, идучи на богомолье въ Іерусалимъ. Сочинитель житія говоритъ, что она слышала тамъ отъ самого І. Христа слѣдующее: «греки, знающіе, что всѣ христіане обязаны хранить единую только вѣру католическую, и повиноваться одной только церкви, т. е. римской, и имѣть одного только вселенскаго викарія моего, т. е. римскаго верховнаго первосвященника, и однако не хотящіе подчинить себя духовно этой церкви и моему викарію, и во смиреніи повиноваться ему, за свою упорную гордость и плотское мудрованіе недостойными оказываются получить отъ меня по смерти прощеніе и снисхожденіе. А другіе греки, которые весьма желали бы, но не могутъ знать римской католической вѣры, а когда знаютъ и могутъ, съ благоговѣніемъ принимаютъ ее, и со смиреніемъ покаяются римской церкви, воздерживаются отъ грѣха и живутъ благочестиво, таковымъ всѣмъ, по смерти ихъ, окажется милосердіе въ наказаніяхъ, когда они будутъ позваны предъ Мое судилище. И еще пусть знаютъ греки, что имперія ихъ, и государства, или владѣнія, никогда не будутъ прочны, никогда не будутъ пользоваться миромъ, но всегда будутъ въ подчиненіи у враговъ, которые нанесутъ имъ жестокой вредъ и будутъ долго утѣшать ихъ, пока они сами съ нелicenseмъ кротостію и любовію не подчинятся римской церкви и вѣрѣ». Легко видѣть, что латиняне замѣчали сочувствіе кипріотовъ къ прочимъ грекамъ, своимъ братьямъ, и сношенія грековъ кипрскихъ съ патриаршимъ престоломъ въ Константинополѣ были и считались опасными для единенія¹.

Въ подтвержденіе втораго довольно привести слова изъ письма Димитрія Кидонія (сконч. около 1360 монахомъ на островѣ Критѣ) къ нѣкому Георгію философу: «я бы совѣтовалъ тебѣ

¹ Theologiae cursus completus. изд. 1841 г. Т. V. p. 481.

остерегаться путешествія на островъ Кипръ, я знаю, что островитяне недолюбливаютъ іонянъ. Ты и самъ не незнаешь, какъ дѣти Италіи поступаютъ съ людьми, поднимающими споры о вѣрѣ. Или молчи, и тѣмъ доставь покой себѣ и друзьямъ своимъ, или, ревнуя о нашей славѣ, въ другомъ мѣстѣ заводи совѣщанія (о вѣрѣ): потому что и по поводу написаннаго тобою о легатѣ раздражены многіе, а нѣкоторые напомнили и о кострѣ, обычной у нихъ казни для злословящихъ церковь». Кто былъ этотъ философъ Георгій, неизвѣстно; въ продолженіи письма Димитрій говоритъ, что «многіе хвалятъ тебя за дерзновеніе предъ легатомъ, ублажаютъ претерпѣнныя тобою узы и раны, но и обвиняютъ, что ты не довольно ясно назвалъ латинянъ еретиками»¹.

Что унія, введенная насиліемъ, поддерживалась на островѣ Кипрѣ и въ XV вѣкѣ насиліемъ же, Евгеній Булгарисъ, переводчикъ трактатовъ Адама Зерникава объ исхожденіи Св. Духа на новогреч. языкъ, подтверждаетъ указаніемъ на рѣчь «*περὶ τῆς κυπρίων ἑνώσεως*», сказыванную константинопольскимъ монахомъ Іосифомъ Вріенніемъ 17 марта 1412 г. въ цареградскомъ храмѣ св. Софіи; но мы ближайшихъ свѣдѣній о содержаніи этой рѣчи не имѣемъ².

¹ 23 письма Димитрія Кидонія въ собраніи Буассанада: *Anecdota Nova*, ed. Parisiis, 1844 anno. Буассонадъ не рѣшаетъ, кто былъ философъ Георгій, къ которому писано это письмо. Въ исчисленіи писателей греческихъ XIV в. у Каве (въ его *Historia litteraria scriptorum eccles.*, ed. 1743 an.) упоминается подъ 1354 г. *Георгій Лекапинъ*, по видимому монахъ, человѣкъ близкій къ солун. архіеп. Григорію Паламѣ, оставившій послѣ себя нѣсколько сочиненій. Могло быть, что къ нему писалъ Димитрій Кидоній, и называлъ его философомъ.

² См. 8 примѣчаніе на 531—532 стр. 2 тома *Адана Σοφρινά*

Введенная насиліемъ, утвержденная и поддерживаемая вовсе не духовными средствами, а чисто гражданскими мѣрами, въ числѣ которыхъ огонь священной инквизиціи игралъ не послѣднюю роль, *унія* вовсе не представляла соединенія въ духѣ вѣры; она была порабощеніемъ вѣры. Такъ на нее смотрѣли и греки кипрскіе. Мы знаемъ уже, что нѣкоторые недовольны были Георгіемъ философомъ за то, что не ясно назвалъ латинянъ еретиками; другіе же, по словамъ Кидонія, не одобряли спорившихъ съ латинянами, какъ уничтожающихъ почтенную простоту. «Какъ только покажется латинянинъ (*ὁ λατῖνος*), всѣмъ нужно опасаться сего звѣря; потому что трудно и при словесномъ общеніи съ нимъ не развратиться»: вотъ какое значеніе *унии* перешло чуть не въ пословицу у кипрскихъ грековъ. Они держались общенія съ латинянами чисто внѣшнимъ образомъ, т. е. не противорѣчили ихнему ученію, но того ученія совсѣмъ и знать не хотѣли. Когда акты флорентійскаго собора были разосланы по землямъ греческимъ, находившимся подъ властію латинянъ, то кипріоты не ввели у себя въ церкви ничего новаго по требованію собора, и въ 1450 году отъ имени ихъ даже заявилъ протестъ противъ опредѣленій собора *Константинъ*, епископъ кипрскій (т. е. столицы Кипра), вмѣстѣ съ восточными патріархами¹.

Съ поступленіемъ королевства кипрскаго подъ власть Венеціи (1480 года), хотя внѣшнее подчиненіе греческихъ христіанъ лат. духовенству не прекратилось, но значительно ослабѣло; при томъ же власть венец. правительства, какъ извѣстно отличавша-

βίου πρὸς αὐτῆς περὶ τῆς Ἐκπορεύσεως τῆς Ἀγίας πνεύματος, ἐκδ. 1797 ἔτης, ἐν Πετρὸπόλει.

¹ Собственно подъ опредѣленіями собора въ храмѣ св. Софій 1450 г. подписался за Константина, епископа кипрскаго, Константинъ, епископъ анкирскій (*Harduin, Acta concil. Tom. IX, pag. 1360*).

гося въ тѣ времена государственною мудрстію, подняла благосостояніе жителей Кипра и косвенно способствовала построенію и обновленію многихъ памятниковъ древняго благочестія, монастырей и церквей, съ давнихъ поръ лежавшихъ въ заустѣніи, преданныхъ забвенію. Русскій путешественникъ первой половины XVIII вѣка Григоровичъ-Барскій, лично видѣвшій и посѣтившій большую часть православныхъ монастырей и церквей на островѣ Кипрѣ, о большей части ихъ говоритъ, какъ о построенныхъ или возобновленныхъ подѣ венеціанскимъ владычествомъ; при томъ же, только при венеціанскомъ владычествѣ монастыри, по волѣ здателей, были причисляемы къ православнымъ кафедрамъ патріарховъ іерусалимскихъ, архіепископа синайской горы и др. Не безосновательно, кажется, принять мнѣніе, что такое подчиненіе кипрскихъ монастырей дѣлаемо было съ доброю цѣлію — изъять ихъ отъ всякаго вида *уніи*, и посредствомъ нихъ поддерживать въ греческихъ христіанахъ усердіе и любовь къ православнои вѣрѣ, тѣснимой латинскимъ духовенствомъ.

Безъ сомнѣнія поддерживали любовь къ преданіямъ благочестія и многіе добродѣтельные мужи, пустынники, о коихъ память хранятъ православные кипріоты, но обстоятельно подвиги ихъ неизвѣстны; по крайней мѣрѣ, память, хранившаяся въ XVIII вѣкѣ объ нѣкоторыхъ *позднѣйшихъ святыхъ*, служитъ ручательствомъ, что хитросплетенія и лукавство латинизма не истощили въ странѣ православія подвиговъ вѣры¹. Къ числу мужей, просіявшихъ святостію жизни въ нѣдрахъ православія, хотя подѣ игомъ латинскимъ, принадлежатъ: *блаж. Неофитъ*, сперва за-

¹ Препод. Григорій синаитъ, скончав. около 1370 г., принялъ монашество на о. Кипрѣ и здѣсь-же положилъ начало своимъ подвигамъ (Аѳонск. петерикъ, стр. 349, изд. 1860. Спб.).

творникъ, потомъ архіепископъ кипрскій первой половины XIII столѣтія; *св. Іоаннъ лампадійскій*, мѣстно чтимый кипрскими христіанами, котораго честная глава съ иными частями мощей есть въ обители его имени; *св. Говдела* и *св. Алеманій* — всѣ пустынники, самая обитель въ честь св. Іоанна лампадійскаго (т. е. уроженца деревни Лампады), «отъ богатыхъ и христіолюбивыхъ мужей создася во времена власти венецкой», говоритъ Барскій. Въ утѣшеніе вѣрующихъ, въ древнихъ обителяхъ острова сохранились и многія святыни православія; напр. въ древнемъ монастырѣ *Киккосъ* чудотворная икона Богоматери, писанная, по преданію, св. евангелистомъ Лукою, въ храмѣ селенія *Лейкары* — часть животворящаго креста Господня, пожертвованная туда благочестивою царицею Еленою, матерью Константина великаго; въ церкви св. ап. Филиппа, въ селеніи *Аргосъ*, построенной уже при владычествѣ венеціанскомъ, хранились мощи св. ап. Филиппа «глава» и «кости локтей», изъ коихъ одна въ серебряномъ ковчегѣ съ надписью: *мощи св. ап. Филиппа*; въ монастырѣ *св. Мавры* мощи этой святой; въ монастырѣ св. Мнасона мощи св. *Ираклидія*, епископа тамасійскаго.

Такъ, питаемые словами богомудрыхъ вселенскихъ учителей и храня память отеческаго благочестія, кипріоты дожили до 1571 г., когда иго латинянъ снято было съ нихъ политическими перемѣнами на островѣ. Турки изгнали съ острова венеціанъ. Хотя же магометанское иго и отяжелѣло надъ жителями Кипра, но не касалось совѣсти покоренныхъ. Греки тѣмъ болѣе не могли жалѣть объ *унии* (которая съ изгнаніемъ латинянъ и прекратилась), что, къ концу венец. владычества на островѣ, она, столь мало дававшая знать о себѣ во все продолженіе власти венец., еще разъ попыталась напомнить имъ времена прежней силы. Мы приведемъ объ этомъ дѣлѣ подлинныя слова латинскаго писателя

Оомы а Jesu, кармелита, ум. 1609. «Кипръ, Критъ, Закинѣъ, Кефалонія, хотя повинуются католикамъ, но никоимъ образомъ не хотятъ отречься своихъ нечестивыхъ мнѣній, и такъ крѣпко держатся греческихъ ересей, что скорѣе ты отнимешь жизнь у этихъ людей, чѣмъ они захотятъ отстать отъ своихъ мнѣній. И когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, архіепископъ кипрскій Филиппъ Мочениго, мужъ весьма ученый и добродѣтельный, возревновалъ истребить ереси на томъ островѣ, то греки такъ воспротивились ему, что нужно было послать туда, для рѣшенія дѣла и умиротворенія, патриція изъ Венеціи» (Theologiæ curs. compl. V, 473). Должно быть, по этому поводу одинъ изъ греческ. епископовъ Кипра долженъ былъ удалиться въ Константинополь, и государь русскій, Іоаннъ Грозный, по ходатайству патріарха, прислалъ ему въ 1565 году «милостынной дачи» 20 р. (Снош. съ вост. 71, 119).

Упомянутый архіепископъ, т. е. *Филиппъ Мочениго*, былъ послѣднимъ лат. архіепископомъ на островѣ и верховнымъ пастыремъ не только латинянъ, но и грековъ; онъ скончался вскорѣ послѣ занятія острова турками. Греки тотчасъ отвергли всякій видъ уніи съ римскимъ престоломъ, и избрали себѣ другаго архіепископа, которому султанъ турецкій позволилъ быть *главою своего народа* (подобно патріарху константинопольскому), т. е. правителемъ своихъ единовѣрцевъ въ церковномъ и гражданскомъ отношеніи и, кромѣ важнѣйшихъ дѣлъ, касающихся политическихъ интересовъ государства, далъ ему власть судить и рядить христіанъ по древнимъ греческимъ законамъ, т. е. по уложенію императора Юстиніана. Патріархи же восточные признали архіепископа кипрскаго *автокефальнымъ*, согласно опредѣленіямъ древнихъ императоровъ греческихъ Зенона и Юстиніана I-го¹.

¹ Императоръ Зенонъ подтвердилъ независимость архіепископа

Обращая за симъ послѣдній взглядъ на *кипрскую унію*, можно бы спросить: чѣмъ же отозвалось это, столь сильно желанное римск. престоломъ и поддерживаемое его агентами, *единеніе* въ послѣдовавшихъ за-тѣмъ отношеніяхъ кипріотовъ къ латинской церкви? Что *унии*, затѣваемые римскою партіею, только сильнѣе разжигали враждебное къ латинянамъ нерасположеніе грековъ, ясно показываетъ вся исторія восточныхъ христіанъ отъ XI вѣка и до нашихъ временъ; при всей любви къ христіанскому правительству, греки не въ силахъ были выносить гнета латинск. іерархіи, а между тѣмъ во времена, о которыхъ говоримъ, власть правительствъ католическихъ непремѣнно соединялась съ властію духовенства. Отъ того греки стали скорѣе и легче уживаться съ турецкимъ правительствомъ, которое въ дѣлѣ вѣры гораздо менѣе, чѣмъ латиняне, стѣсняло своихъ подданныхъ. Такимъ образомъ на *кипрскую унію* нужно смотрѣть какъ на весьма неудачную попытку латин. духовенства подчинить грековъ римск. престолу, а отнюдь не какъ на фактъ исполнѣ совершившійся, который бы могъ служить историческимъ о-

кипрскаго отъ антїохійскаго патріарха, а Юстиніанъ въ 541 г. 131 новеллою объявилъ его *автокефальнымъ*, т. е. независимымъ ни отъ какого патріаршаго престола, имѣющимъ власть созывать мѣстные соборы, и какъ избраніе, такъ и посвященіе его представилъ мѣстнымъ епископамъ (подобныя права въ одно время даны архіеп. охридскому и кареагенскому). Барскій, видѣвшій служеніе архіеп. 1735 года, говорятъ: «бысть въ одѣяніи, подобномъ патріаршему, точію разнствуесть, яко у патріарха мантия вишневая и въ рукахъ держитъ патерницу, архіепископы же кипрскіе облачаются зѣло въ свѣтлочервлену мантию, жезлъ держатъ съ яблокомъ верху, а пишутъ свое имя чернилами червлеными». Титулъ архіепископа—*блаженнѣйшій*. (Путеш., стр. 458, изд. 1785).

правданіемъ любимой мысли римскихъ пропагандистовъ о *возможности соединенія церквей*: соединеніе церквей, дѣйствительно, возможно и желательно, но соединеніе по началамъ латинизма горечью своею всегда отталкивало греческихъ христіанъ.

Игум. Арсеній.

СТРАННИКИ ИЗЪ ПРОСТЫХЪ

и

СТРАННИКИ ИЗЪ БЛАГОРОДНЫХЪ.

(Изъ моихъ наблюденій въ деревенской жизни).

Нищенство и странничество, по моему мнѣнію, самые вѣрные и легкіе способы къ тому, чтобы жить незамѣтно на чужой счетъ. Эти способы у насъ сколько обыкновенные, столько-же и безотвѣтные. Роль нищаго — самая простая. Съ выраженіемъ глубокой печали на лицѣ, съ притворнымъ увѣщаніемъ какого-либо тѣлеснаго члена, стоить только протянуть руку и болѣзненнымъ голосомъ сказать: подайте милостыню, Христа ради, бѣдному и убогому, — и вотъ ломоть хлѣба или монета очутится въ этой рукѣ. Впрочемъ, съ этимъ ремесломъ хотя отъ голода и холода не умрешь, но и ничего не наживешь. Не дай Богъ никому дойти до нищенства, а тѣмъ болѣе злоупотреблять этимъ простымъ промысломъ! Не то совсѣмъ выпадетъ на долю такъ называемыхъ «странниковъ», которые чѣмъ хитрѣе и пренырливѣе простыхъ нищихъ, чѣмъ искуснѣе умѣютъ разыгрывать роль святоши; тѣмъ болѣе пользуются почетомъ, а главное — тѣмъ больше получаютъ подаванія. Русскій народъ, при своемъ религіозномъ настроеніи духа, не любитъ разбирать поступки подобныхъ людей; а если кто, въ разговорѣ съ ними, и рѣшится молвить слово — другое

противъ нихъ, то такихъ аллегорій наслушается, что въ три года не доберется до ихъ смысла, при всемъ стараніи натянуть ихъ на подходячія обстоятельства своей жизни, и волею-неволею придетъ, наконецъ, къ такому заключенію, что вотъ-де эти странники подлинно великіе люди.... вѣдь что ни скажутъ, то скажутъ такъ, что и въ голову не возьмешь. Дѣйствительно, своими аллегоріями нѣкоторые странники не только ловко отдѣлываются отъ всѣхъ любопытныхъ спросовъ и допросовъ, но приобрѣтаютъ даже авторитетъ прозорливцевъ. Какимъ образомъ выпекается такой авторитетъ, понять не трудно. Вѣдь школьники благоговѣютъ же предъ глупымъ и безтолковымъ учителемъ, пока не поймутъ его. Такъ и тутъ.

Между странниками есть истинные рабы Божіи, съ которыми можно познакомиться только въ монастыряхъ: на пути какъ-то они бывають незамѣтны; а странниковъ-пролетаріевъ всего лучше изучать въ деревнѣ. И такъ, пойдѣмъ-те прежде въ монастырь. Вотъ мы и внутри монастыря. Неправда ли, вы никакъ не ожидали встрѣтиться здѣсь съ такимъ множествомъ благочестивыхъ богомольцевъ, которые, выходя изъ общественныхъ келлій, такъ живописно группируются по всей обители, въ ожиданіи благовѣста? Да, простой народъ нашъ еще не утратилъ своей теплой и живой вѣры, въ ея небесной простотѣ; не то, къ несчастію, замѣчается въ высшемъ, образованномъ, нашемъ обществѣ. — Что это за человѣкъ, который, стоя на колѣнахъ, такъ усердно молится предъ храмомъ Божіимъ? Костюмъ его составляетъ нѣчто среднее между подрясникомъ и халатомъ; широкій ремень, издѣліе соловецкаго монастыря, служитъ ему вмѣсто пояса; на плечахъ кожаная сума, на-подобіе ранца, и какой-то свертокъ въ клеѣнкѣ; около него, на землѣ, лежитъ посохъ и шапка, въ родѣ скуфьи. Кто этотъ человѣкъ? Это странникъ, это добро-

вольный труженикъ, который, живя въ мірѣ, отрекся отъ міра, со всѣми его удовольствіями, который не имѣетъ ни крова, ни семейной радости, ни друзей. Длинные волосы его на головѣ и борода препятствуютъ намъ видѣть лицо его. Но вы всмотритесь пристальнѣе въ это тощее, изможденное лицо, и поймете, что странствованіе не есть легкій подвигъ; всмотритесь въ этотъ скромный, умиленный взоръ его, — что, не видите ли въ немъ отраженія души, глубоко проникнутой молитвою и смирениемъ? Кругъ его путешествія страшно великъ: отъ Бѣлаго моря до Чернаго, отъ Иркутска до Почаевской лавры, — весь этотъ путь не разъ измѣренъ ровными его шагами. Онъ любитъ уединеніе; соблюдая строгое воздержаніе въ пищѣ, онъ не ищетъ и вкусной трапезы. Онъ почти всегда въ кругу нищихъ, но самъ не нищенствуетъ и никому не навязывается съ просьбой о помощи; если же что получить, то старается отыскать истинную бѣдность и убожество, чтобы помочь имъ, вовсе не заботясь о самомъ себѣ. Окрыленный молитвою, онъ терпѣливо переноситъ всѣ непріятности какъ отъ непогоды, такъ и отъ злопамѣренныхъ людей, съ полнымъ упованіемъ, что Господь рано или поздно возьметъ его съ горестнаго пути жизни въ небесное отечество. Пріятно принять такого странника въ домъ свой и съ нимъ побесѣдовать.

Простыхъ богомольцевъ отъ «странниковъ» легко отличить. Время для путешествія на богомолье первыхъ бываетъ преимущественно или весною, между яровымъ посѣвомъ и обработкою пароваго поля, или осенью, по окончаніи всѣхъ полевыхъ и огородныхъ работъ. Пока не утомились продолжительнымъ путемъ, веселыми толпами идутъ они, особенно когда между ними есть дѣвушка, и ихъ разноцвѣтный нарядъ, бѣлая опояска изъ полотенцевъ, бѣлые хотульки издали мелькаютъ. Любопытно смо-

тратъ они въ окна вашего дома, шутятъ на улицѣ съ вашими дѣтьми, попросятъ напиться, посидятъ на крыльцѣ, или на порогѣ, и идутъ далѣе, подшучивая надъ усталостію одинъ другаго. И этихъ богомольцевъ пріятно принять подъ кровъ свой, когда застанетъ ихъ ночь или непогода.

Простой народъ ходитъ на богомолье всегда почти по общанію. Болѣзнь, горе, а иногда и радостный случай располагаютъ къ этимъ общаніямъ. Къ счастью, для исполненія обѣтовъ, простой народъ никогда почти не опредѣляетъ точнаго времени; иначе, вмѣсто пользы, былъ бы одинъ только грѣхъ. Наша свобода зависитъ часто отъ обстоятельствъ жизни, и можемъ ли мы поручиться, что завтра, или чрезъ годъ, непременно исполнимъ то, или другое дѣло? Давать обѣты, въ какихъ бы то ни было случаяхъ жизни, надобно обдуманно. Въ порывахъ благодарности къ Богу или въ душевной скорби, нѣкоторые, какъ мнѣ извѣстно, давали такіе обѣты Богу, которыхъ исполнить никакъ не въ состояніи. И какъ сильно они сокрушаются объ этомъ! Какимъ тяжелымъ камнемъ лежитъ обѣтъ на ихъ душѣ! Не обѣщай Господу того, чего не можешь исполнить; но непременно исполни обѣщанное. При томъ же, если моя душевная сокровищница весьма бѣдна, прибудетъ ли въ ней что-нибудь, когда, пренебрегая приходскую церковь и плохо исполняя ея вселенскіе уставы, я схожу или прокачусь отслужить молебень верстъ за 200 или 500? — Отвѣтъ очевиденъ.

Приступимъ къ описанію третьяго разряда странниковъ, которые, во имя вашего гостепріимства, не обойдутъ васъ, ни обѣдутъ, если вы на то поддадитесь. Костюмъ ихъ такой-же, какъ и у добрыхъ странниковъ; у иныхъ за плечами такая-же и сума. Но нельзя не замѣтить отличительнаго устройства ихъ посоха, который, отъ массивнаго набалдашника съ одного конца

и значительной величины кося, прочно придѣланнаго къ другому концу, можно отнести къ надежному, хотя и непривилегированному, оружію. Съ такимъ товарищемъ смѣло можно отдѣлаться отъ любой стаи собакъ, а пожалуй и отъ русскихъ бедуиновъ. Кругъ путешествій такихъ пилигримовъ не бываетъ обширенъ; по большей части онъ ограничивается своей губерніей. Рѣдкій изъ нихъ добирается до Соловковъ; но въ Кіевѣ или въ Троицкой Сергіевской лаврѣ всякій изъ нихъ долгомъ считаетъ посбывать, хотя одинъ разъ въ жизни, для подпоры своего авторитета. Въ этихъ-то святыхъ мѣстахъ и вообще въ монастыряхъ запасаются они образками, крестиками, пескомъ и камешками, деревяннымъ масломъ изъ лампадъ и святою водою, и все это разносятъ по знакомымъ благодѣтелямъ, или пріобрѣтаютъ чрезъ нихъ новое знакомство, отъ котораго получаютъ и новыя средства къ содержанію. Конечно, безъ обмановъ тутъ дѣло не обходится. Я лично знаю нѣкоторыхъ странниковъ подобнаго рода, пользовавшихся нѣкогда и моимъ гостепріимствомъ, но которые, въ настоящее время, не сдѣлаютъ мнѣ чести своимъ посѣщеніемъ. Да и Богъ съ ними: въ смыслѣ евангельскомъ я разумѣю подъ «странниками» не этихъ ханжей, въ скуфьяхъ и подрясникахъ, а всякаго человѣка, котораго нужда заставила на пути воспользоваться вашими услугами и гостепріимствомъ.

Первое мое знакомство было съ самымъ знаменитымъ странникомъ въ нашемъ околоткѣ, господскимъ крестьяниномъ извѣстнаго мнѣ прихода, Григорьемъ Савичемъ. Этотъ Григорій Савичъ такъ замаскировалъ свою жизнь, такое пріобрѣлъ уваженіе въ простомъ народѣ, что его считаютъ едва-ли не святымъ. Не смотря на это, образъ его дѣйствій весьма страненъ и подозрителенъ, и обнаруживаетъ въ немъ какого-то сектанта. Я

не счелъ нужнымъ изучить жизнь этого странника, и скажу объ немъ только-то, что слышалъ и что самъ видѣлъ.

Григорій Савичъ посѣтилъ мой приходъ въ храмовой праздникъ, въ первый годъ моего пастырскаго служенія, и объ этомъ его посѣщеніи разнесся слухъ за два дня праздника. Въ жизни молодого священника первый храмовой праздникъ бываетъ особенно замѣчательнъ. Родные, знакомые, сплетники, охотники выпить, весь этотъ людъ старается видѣть и, такъ сказать, опробовать васъ въ этотъ праздникъ. Потомъ наступаетъ обыкновенная проза жизни, по большей части при невыгодномъ мнѣніи объ васъ тѣхъ особъ, которыя съ вашимъ предшественникомъ были на короткой ногѣ, но съ которыми вы не рѣшились продолжать знакомство и мѣняться хлѣбомъ-солью. Не скоро и не легко достается вамъ имя порядочнаго человѣка. Григорій Савичъ прежде въ моемъ домѣ былъ свой человѣкъ, тѣмъ болѣе, что предшественникъ мой былъ изъ того села, въ которомъ онъ проживалъ. Для того ли, чтобъ сначала показать мнѣ, какое почтеніе воздастъ ему народъ, или въ избѣжаніе наблюдательнаго взора за своими дѣйствіями въ отношеніи къ почитателямъ своимъ, онъ не пожаловалъ въ мой домъ, а пошелъ въ отдѣльную рабочую избу, куда долженъ былъ собираться народъ. И вообще, съ своими спутниками и спутницами онъ любитъ скрываться въ нежилыхъ заднихъ избахъ, сараяхъ, баняхъ, гдѣ все вмѣстѣ проводятъ и ночь, безъ различія пола и возраста. Многіе изъ народа, окруживши мой домъ, были однакожъ въ крайности и не знали, къ кому прежде обратиться, къ Григорію Савичу, или къ моему пиву? Но, по находчивости русскаго человѣка, приданъ дѣлу такой оборотъ: отвѣдавши пива, шли наслаждаться поученіями Григорія Савича, а отъ поученій опять возвращались къ пиву. Обычай варить пиво въ огромномъ количествѣ я съ-разу

не могъ измѣнить; иначе страшно согрубилъ бы своимъ домашнимъ и всему приходу. Безъ вѣдома моего, усердныя жевщины согрѣли Григорію Савичу самоваръ, иные купили на ярмаркѣ кренделей, пряниковъ, яблоковъ, и все это предложили ему въ даръ. Сидя за самоваромъ, онъ нѣкоторыхъ, по выбору, чествовалъ то тѣмъ, то другимъ, съ присовокупленіемъ разныхъ правоченій. Наконецъ, въ глубокія сумерки, когда родныхъ собралось ко мнѣ сечь много, присыластъ своего посланника узнать, могу ли я принять его. Такихъ посланниковъ съ нимъ бываетъ иногда до десяти, большею частію изъ крестьянскихъ ребятшекъ, а иногда и большихъ парней, которымъ даетъ онъ жалованье, и которые, во время его путешествій, обходя оковыя деревни; кричатъ: «наставникъ нашъ, Григорій Савичъ, будетъ отдыхать или ночевать въ такомъ-то мѣстѣ, въ такое-то время; спѣшите къ нему для пользы душевной, но не забывайте почтить его и какимъ-либо гостинцемъ». Бѣгутъ бабы со всѣхъ сторонъ, кто несетъ холста, кто меду, кто яицъ и масла. До какой степени поучительно бываетъ свиданіе съ Григоріемъ Савичемъ, я этого не знаю; а знаю только, что посланники его, вкусно побѣдавъ, отправляются по тракту далѣе, приготовлять патрону своему пріютъ, слушателей и содержаніе. Намѣется нашъ великій мужъ чаю, который всегда имѣетъ при себѣ, закусить, и идетъ далѣе, въ сопровожденіи двоихъ или троихъ посланниковъ, для экстренныхъ нуждъ, и нѣкоторыхъ благоговѣйныхъ почитателей.

Когда я изъявилъ согласіе на свиданіе съ нимъ, не вдругъ онъ пожаловалъ, а нѣсколько помедлилъ, какъ слѣдуетъ почтенному человѣку. Наконецъ тихо отворяется дверь и входитъ человѣкъ средняго роста, почти совершенно плѣшивый, съ небольшою русою бородой. Узкій прорѣзъ косоватыхъ глазъ его обли-

чалъ въ немъ хитраго и лукаваго человѣка. Положивши предъ иконами до десяти, чуть не земныхъ поклоновъ, онъ обращается ко мнѣ за благословеніемъ съ словами: «благословите меня, свя- тый отче!»! Голосъ его тихъ и разговоръ медленъ.

— Здравствуй, Григорій Савичъ, здравствуй, — привѣтствовалъ я его. Откуда и куда идешь?

«Ходилъ въ село С. . . . помолиться Царицѣ небесной о грѣ- хахъ своихъ», — отвѣтилъ онъ, бѣгло окинувъ глазами гостей моихъ.

Народъ, притаивъ дыханіе, не смотря на глубокую осень, въ растворенную на-стежь дверь, во всѣ глаза смотрѣлъ на насъ, какъ-бы ожидая необыкновенной сцены.

— Сядисъ, любезный, говорю я Григорію Савичу, будешь у меня дорогимъ гостемъ.

«Нѣтъ, не мое здѣсь мѣсто, смиренно отвѣчалъ онъ. Не отслужите ли завтра обѣдню за упокой отца Н. . . . ? Онъ былъ для меня добрый человѣкъ».

Нужно было видѣть, чтобы понять, какъ все это было при- торно; а главное за-чѣмъ съ нимъ эти посланники, отъ кото- рыхъ, кромѣ баловства и кощунства, ничего добраго нельзя ожи- дать? За-чѣмъ принимать на себя роль мудраго и опытнаго учи- теля? И пастырямъ церкви, посвященнымъ на святое дѣло еван- гельскаго ученія, назначено исполнять его въ простотѣ, а не въ ханжествѣ.

Домъ Григорія Савича, какъ сказываютъ, настоящая часовня: весь обставленъ образами. Посѣтителей сходитъ къ нему очень много, особенно женщинъ, и всегда съ какими-либо приноше- ніями. Куда все это дѣвается, неизвѣстно; а для узнанія тай- ны не посыпать же полъ его пеломъ, какъ поступилъ пророкъ Даніилъ, для открытія плутни вавилонскихъ жрецовъ.

Какой же счетъ ведетъ Григорій Савичъ съ своими господами? спросите вы. — Платить оброкъ. Отбившись отъ полосы, онъ хотѣлъ было и оброчную статью также обдѣлать, но не удалось. «Ужъ куда какъ крѣпко этотъ богомолецъ обираетъ своихъ почитателей, сказалъ мнѣ одинъ крестьянинъ старикъ про Григорья Савича, котораго хорошо могъ знать и понимать, какъ ближайшаго сосѣда. И то подумаешь, насмѣшливо прибавилъ старикъ, вѣдь надобно какъ-нибудь жить, да еще и оброкъ платить».

Всякій примѣръ имѣетъ своихъ подражателей. Соблазнившись легкимъ пріобрѣтеніемъ безбѣднаго пропитанія и почестей, какія народъ оказываетъ Григорью Савичу, недалній его сосѣдъ, спутникъ и ученикъ его, казенный крестьянинъ Илья Ильичъ, избралъ для себя тотъ-же образъ жизни, предоставивши сельскія занятія, по его тяглу, въ распоряженіе общества. Этому фату менѣе однако посчастливилось, касательно почестей, но сборъ подаяній въ его пользу оказался очень значителенъ.

Илья Ильичъ накопилъ порядочный капиталъ и сталъ отдавать его на проценты въ надежныя руки. Забота о процентахъ его сокрушаетъ, и вотъ онъ, подъ видомъ богомолья, шляется постоянно за ними, посѣщая на пути и своихъ благодѣтелей. Никогда, бывало, не обходилъ меня, смѣло вступая прямо въ домъ. Росту онъ тоже средняго, волосы на головѣ носятъ длинныя, но бороду брѣетъ. Разговоръ имѣетъ самый мягкій, такъ что буквы «о» почти не существуетъ въ его словахъ; съ тонкихъ губъ его почти никогда не сходитъ улыбка, которая, при длинномъ и смугломъ лицѣ его, имѣетъ какой-то особенной характеръ отъ того, что нижняя челюсть его рта постоянно передвигается то въ правую, то въ лѣвую сторону. Должно быть онъ чрезвычайно нравится самъ себѣ, потому что очень любитъ смотрѣться въ зеркало, предъ которымъ поправляетъ свои волосы и

красный, непременно красный, платокъ на шеѣ. Вдругъ ни съ того, ни съ сего, бывало, запоетъ звонкимъ, неотесаннымъ теноромъ какой-либо ирмосъ, или молитву, нещадно искажая ихъ смыслъ и не заботясь, будетъ ли подобная выходка пріятна хозяину. Безъ церемоніи ходитъ по комнатамъ; вовсе незнакомый ни съ чтеніемъ, ни съ письмомъ, роется въ книгахъ, тетрадяхъ; бранить или хвалить извѣстныхъ мнѣ священниковъ и помѣщиковъ, словомъ — препріятный гость. И что ни говоритъ, что ни дѣлаетъ, а наконецъ подговорится къ чаю, хотя бы и не чайное было время. «У меня есть немного чайку, есть и сахаръ, — прикажите, любезный батюшка, согрѣть самоваръ», — ласково говоритъ онъ. Что дѣлать? Ради разнообразія, велишь согрѣть самоваръ, да своимъ чаемъ, конечно, и напоишь гостя. Сколько пришлось мнѣ замѣтить, подобнаго рода странники превеликіе охотники до чаю, и, по милости своихъ почитателей, не видятъ недостатка для удовлетворенія невинной своей страстишки, укоренившейся въ нихъ въ-слѣдствіе избалованной и безпечной жизни.

Но особенно Илья Ильичъ замѣчателенъ по своей оригинальной молитвѣ. Во время, напр., литургіи, будь церковь полна народомъ, онъ не менѣе пяти разъ перемѣнитъ мѣсто. То съ праваго клироса перейдетъ на лѣвый, то станетъ среди церкви, то придетъ въ олтарь, изъ котораго опять куда-нибудь скроется.

— За-чѣмъ ты такъ часто перемѣняешь мѣсто въ храмѣ? спросилъ я его. Вѣдь это нехорошо.

«Ахъ, батюшка, какой вы странный человѣкъ, — отвѣтилъ онъ съ предовольной улыбкой, — всякій молится такъ, какъ ему кажется лучше. Молюсь я вотъ этому образу, вдругъ мнѣ захотѣлось помолиться другому, и я становлюсь противъ него». О прямой и истинной молитвѣ, по понятію Ильи Ильича, должно

быть пельзя и гаче и рассуждать.

Долго съ нимъ я ладилъ, пока онъ ходилъ ко мнѣ одинъ. Но разъ, въ подражаніе Григорію Савичу, онъ подобралъ съ собою двоихъ крестьянскихъ молодцевъ, тоже въ качествѣ посланниковъ, и безъ всякой церемоніи, въ мокрой одеждѣ, съ грязными сапогами, по причинѣ дурной погоды, ввалился съ нами въ мой домъ, и ну, по прежнему, распоряжаться въ немъ. Я вынужденнымъ нашелся замѣтить, что такое невѣжество весьма мнѣ непріятно.

«Что-жъ худаго мы вамъ сдѣлали? вступился Илья Ильичъ. Мы все рабы Божіи, которыхъ заповѣдано принимать и почитать. Если вы, священники, не станете насъ принимать, какой же примѣръ будетъ для другихъ?».

Не смотря на такія его умствованія, я велѣлъ идти имъ въ кухню. Но Илья Ильичъ, отправивши въ кухню своихъ служекъ, самъ все-таки остался въ домѣ и очень замысловато подговорился къ чаю.

Послѣ этого визита онъ не былъ у меня годъ два. Что, думаю, это значитъ? А дѣло объяснилось очень просто, какъ я узналъ отъ Ильи же Ильича. Въ крымскую кампанію, общество отдало его въ ополченіе, въ-замѣнъ дѣльныхъ и полезныхъ людей. О, какъ это было ему обидно! Съ великимъ гнѣвомъ высказалъ онъ свою досаду на общество. «Да — какъ они смѣли, Божьяго раба, избравшаго путь спасенія, отдать въ ополченіе?! Сами все негодяи, взяточники, а вздумали притѣснять меня, невиннаго!... Я сдѣлаю имъ такую штуку, что вѣкъ меня не забудутъ?!» — За такое рассужденіе и за другіе кой-какіе грѣшки, я выслалъ его вонъ, съ позволеніемъ, однакожъ, останавливаться въ кухнѣ, въ случаѣ усталости или голода. Что-же бы вы думали? Съ тѣхъ поръ онъ ко мнѣ ни погой, ни бранить

меня всегда самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Вотъ вамъ и странникъ! Невѣжда, избалованный ласкою, иначе не поступаетъ, когда заслужить презрѣніе.

Третій странникъ изъ «простыхъ».... Но нѣтъ, въ хронологическомъ порядкѣ моего знакомства съ ними, долженъ выдти теперь на сцену странникъ «изъ благородныхъ». Что тутъ за разница? — спросите вы. Большая разница во многомъ, но только не въ способахъ пріобрѣтенія насущнаго хлѣба и не въ поступкахъ.

Былъ я у одного священника, товарища и пріятеля своего, сосѣда по приходу. Время было весеннее, въ самую лучшую пору ярового посѣва. Только-что вернувшись съ поля отъ сохи, часовъ въ девять утра, пріятель мой казался не совсѣмъ въ добромъ расположеніи духа, и какая-то тяжелая дума лежала на его душѣ.

— Что ты, другъ мой, не весель? — спросилъ я его, послѣ размѣна привѣтствій.

«Будешь тутъ весель! — съ горькою ироніей отвѣтилъ онъ. Право, я думаю, нѣтъ тяжелѣе, и неблагороднѣе жизни сельскаго священника. Во многихъ случаяхъ она даже безотраднѣе доли простолюдиновъ!».

На эту тему у насъ, конечно, завязался длинный и живой разговоръ, по пословицѣ: «у кого что болитъ, тотъ про то и говоритъ».

Взглядъ товарища я вполне раздѣлялъ въ душѣ своей; но чтобы умѣрить желчь его, я, по возможности, старался раскрыть и свѣтлую сторону нашей жизни, — какъ вдругъ позади насъ раздался голосъ незнакомаго человѣка, приходъ котораго мы не замѣтили.

«Честь имѣю рекомендоваться, — поручикъ Пунтиринъ!».

— Прошу покорно, отвѣчалъ хозяинъ; что вамъ угодно?

« Судьба заставила меня пѣшкомъ пунтировать въ полку, на мѣсто недавняго моего назначенія. На-вѣрно вы, какъ служитель Божій, будете столько любезны и сострадательны, что не откажетесь, въ лицѣ моемъ, помочь страждущему человѣчеству».

Какимъ образомъ, въ лицѣ его, можно было помочь разомъ всему страждущему человѣчеству, на это хозяинъ не нашелся ничего отвѣтить, а просто сказалъ, что считаетъ обязанностію, по возможности, помочь тому, кто имѣетъ въ немъ нужду.

— Не прикажете ли предложить чаю? — сказалъ хозяинъ гостю.

« Очень обяжете », отвѣчалъ онъ, шаркая ногами.

— Вы, кажется, изъ дворянъ, отъчего же такъ бѣдствуете? Навѣрно имѣете крестьянъ?

« Точно такъ; родъ Пунтириныхъ принадлежитъ къ столбовому дворянству и числится въ шестой книгѣ. Изволите видѣть, у меня было крестьянъ душъ до 80 и отличная усадьба. Но почтенная мамаша, съ двумя моими сестрицами, все имѣніе на чисто спустила, пока я былъ на службѣ. Такая нерадостная вѣсть, къ несчастію, не скоро дошла до меня въ полкъ. Подаю въ отставку, сиѣшу домой, чтобы поправить дѣла, — и что-жъ! Усадьбу нашу нахожу въ чужихъ рукахъ и въ распоряженіи какого-то управляющаго — прекавали. Представьте — не пустилъ меня въ домъ и нечевать! Видите какой кризисъ иногда можетъ случиться съ человѣкомъ!».

Можетъ быть Пунтиринъ лгалъ на мать свою и сестеръ, чтобы привлечь къ себѣ болѣе состраданія, но для насъ это было все равно. Мы въ Пунтиринѣ видѣли странника «изъ благородныхъ», — явленіе хотя не новое для насъ по слухамъ, но новое на лицо. Садимся пить чай.

« А что, почтеннѣйшій батюшка, осмѣлюсь вамъ доложить,

повелъ онъ рѣчь къ хозяину, съ тою необыкновенною улыбкою, въ которой заключается весь капиталъ свѣтскаго полированного образованія, — передъ чаемъ не мѣшало бы дорожному человѣку рюмочку водки. Чувствую, организмъ мой сильно разстроился».

Дѣло пришлось имѣть не съ какимъ-либо Ильей Ильичемъ, а съ ловкимъ поручикомъ Пунтиринымъ: надобно соблюсти всю форму радушнаго гостепріимства. На этотъ грѣхъ — водка у моего пріятеля была. Лишь только былъ поданъ графинъ на столъ, дорогой гость залпомъ выпилъ двѣ рюмки, какъ-бы считая ихъ за одну, закусилъ стаканомъ чаю, и третью налилъ. — Что-то будетъ, смотримъ мы, отъ такого геройскаго напора на графинъ?

Не считаю нужнымъ описывать всѣхъ сентенцій гостя. Подъ вліяніемъ трехъ добрыхъ рюмокъ, особенно на тощій желудокъ, человѣкъ бываетъ очень словоохотливъ. Но всѣ разговоры Пунтирина были сносны, пока онъ не выпилъ четвертой рюмки, которая отуманила его и сдѣлала препошлымъ.

Въ двадцатый разъ взъерошилъ онъ свои волосы, если можно было взъерошить почти бритую голову, закрутилъ усы и, тряхнувъ плечами, продолжалъ:

«Такъ вотъ какова жизнь полковаго-то священника! Не вашей родня, какъ вы сами это сознаете. Нашъ отецъ Николай славный былъ батъка. Сначала — было прикинулся такимъ смиреннымъ, святошею; но мы съумѣли сдѣлать изъ него порядочнаго человѣка, развернули по-офицерски! Бывало.....» и этимъ «бывало» Пунтиринъ раскрылъ такую жалкую картину полковой жизни въ нѣкоторыхъ частностяхъ, что мы за лучшее сочли не вѣрить ему, тѣмъ болѣе, что и обо всѣхъ предметахъ онъ пре-
грозно разсуждалъ.

Подобные Пунтирины и въ благородномъ обществѣ не рѣдкость; они всегда любятъ въ разговорахъ заходить съ задняго

двора, особенно съ нами, грѣшными іереями. Упрекнуть насъ въ недостаткахъ, поглумитѣся на-счетъ нашихъ женъ и дочерей — для нихъ сладкая пища, безъ которой, какъ видно, примириться съ собственными недостатками имъ было бы не такъ удобно.

«И матушка отца Николая, продолжалъ Пунтиринъ, сперва казалась такою скромницею; отъ каждаго, бывало, любезнаго слова, отъ каждаго двусмысленнаго намека, такъ и зардѣется розой. А какъ насмотрѣлась на нашихъ дамъ-молодцовъ, какъ поняла для чего созданъ человѣкъ, — сдѣлалась душею офицерскаго круга, и Николай не казался ей исключеніемъ изъ мужчинъ. Такъ-то, матушка, пошатнувшись подошелъ онъ къ женѣ моего пріятеля, надобно умѣть пользоваться жизнію, — и при этихъ словахъ хотѣлъ наградить ее поцѣлуемъ. Къ счастью, у ней на рукахъ былъ ребенокъ, которымъ она ловко защитилась.

— Вы, кажется, замѣтилъ хозяинъ, вступаете въ права ближайшаго родственника, съ которымъ, въ порывахъ дружескихъ чувствъ, послѣ долгой разлуки, можно допустить такое короткое обращеніе. Прошу не беспокоить мою жену.

«Да — я, знаете, такой человѣкъ, началъ онъ, положила руку на сердце, что душа у меня на распашку, всѣхъ люблю, какъ братьевъ, друзей. Я, знаете, человѣкъ не гордый, и сердце у меня любящее, пламенное».

Тутъ хозяинъ замѣтно сталъ раскaysваться въ своемъ радужіи, которое заставило подать цѣлый графинъ водки, отъ которой Пунтиринъ могъ воспламенить свое сердце до того, что трудно было бы и залить его, безъ посторонней помощи.

Хозяинъ началъ извиняться въ невозможности раздѣлить съ нимъ время, замѣтилъ ему необходимость своевременной явки въ шлкъ, и, всунувши въ его руку весь свой капиталъ, заключаю-

пійся въ единственномъ пяти-алтынникѣ, деликатно проводилъ гостя въ путь.

На-вѣрно, любящее его сердце выражается еще въ лучшихъ проявленіяхъ тамъ, гдѣ, при простотѣ домохозяевъ и несмѣлости сдѣлать короткую развязку съ такимъ почтеннымъ гостемъ, уступаютъ всѣмъ его требованіямъ и капризамъ. Такіе франты бывають иногда не лучше тяжелой экзекуціи, какъ увидимъ послѣ. Они думаютъ, что деревенскіе профаны такъ и бросятся имъ на шею, а они всѣхъ такъ и осыплютъ своими армейскими поцѣлуями.

Теперь слѣдуетъ описаніе третьяго знакомаго странника «изъ простыхъ», сначала очень уважаемаго въ нашемъ краю, а потомъ спившагося съ кругу. И чего ждать хорошаго отъ такихъ людей, для которыхъ не существуетъ ровно никакого дѣла, а средствъ къ жизни много? Согласенъ, что не всѣ они дурны. Но это благоговѣйное вниманіе, какимъ вы окружаете ихъ, это щедрое подаваніе, какое оказываете имъ, развѣ не могутъ сбить ихъ съ прямого пути? Развѣ у нихъ желѣзная воля, чтобы устоять противъ влеченія страстей, которыя цѣликомъ путешествуютъ съ ними? Положимъ, въ вашихъ глазахъ они ведутъ себя прекрасно; но они развѣ не умѣютъ маскироваться? Развѣ вы можете поручиться, что они не предадутся полному разгулу страстей, въ какомъ-либо скрытномъ углу? Да, мы же сами часто бываемъ причиною ихъ упадка. Безсознательное попеченіе объ ихъ матеріальныхъ нуждахъ и покоѣ не есть благоразумное исполненіе заповѣди въ отношеніи къ нимъ. Лучше будетъ, когда мы, вмѣсто щедраго подаванія, станемъ почаще напоминать имъ, что избранный ими путь жизни не есть прямой путь къ небу, что общественная жизнь гораздо полезнѣе ихъ скитаній. Во имя религіи, мы должны съ такими странниками поступать такъ, чтобы и чрезъ

нихъ научаться добру, и ихъ самихъ располагать къ нему, по той непремѣнной обязанности, какая показана намъ въ Евангеліи, для взаимнаго и разумнаго руководства на пути къ спасенію. Иначе, поведетъ слѣпецъ слѣпца и оба упадутъ въ яму.

Кононъ Петровичъ (такъ зовутъ этого странника), съ малолѣтства выписанный изъ духовнаго званія въ крестьяне, съ перваго разу дѣйствительно показался намъ за истиннаго раба Божія: неприхотливъ, скромнень, богомоленъ, съ примѣсью юродства. Ростъ его небольшой, разговоръ шепелеватый, отрывистый и крикливый; глаза его всегда опущены внизъ; а если придется взглянуть на васъ, то онъ это дѣлаетъ съ большимъ напряженіемъ для своего взора, какъ будто ваше лицо издаетъ солнечные лучи. Сначала онъ познакомился со мною, а потомъ и со всѣми господами моего прихода. Съ простымъ народомъ знаться не любилъ. И странно, однако-жъ: когда возшелъ въ довѣренность къ господамъ, меня забылъ почти вовсе.

— За что ты такъ прогнѣвался на меня, — говорю ему однажды, что никогда не зайдешь ко мнѣ?

«А, теперь ты сталъ не такъ гордъ, какъ прежде!».

— Да что-жъ я противъ тебя сдѣлалъ гордаго?

«Знаю я, знаю, говоритъ онъ утвердительно. Когда смиришься, и меня увидишь въ своемъ домѣ».

— Ну, Богъ съ тобой, — говорю.

Точно, я предупреждалъ господъ, чтобы они не слишкомъ честили и баловали его. Должно быть мои слова дошли до него, и вотъ онъ сильно прогнѣвался. Довольно часто сталъ посѣщать господъ моего прихода, пріѣзжалъ съ ними въ церковь, разгуливалъ по праздникамъ.

— Что-жъ ты не познакомишься съ Разноцвѣтовымъ? — сеа-

залъ ему одинъ помѣщикъ. Олѣ чловѣкъ добрый и при своемъ одиночествѣ будетъ тебѣ радъ.

«Да, добрый, насмѣшливо отвѣтилъ Кононъ Петровичъ, я слыхалъ отъ многихъ про его доброту, отъ которой доставалось инымъ жутко».

— Мало ли что было прежде; теперь же ведетъ онъ себя похристіански. И какое тебѣ дѣло до его поступковъ? Ты чловѣкъ совершенно посторонній и менѣе другихъ имѣешь право осуждать кого-либо. Напротивъ, ты долженъ молиться за дурныхъ людей, а не поддакивать сплетнямъ другихъ, — сказалъ я ему въ досадѣ.

«А вотъ посмотрю, посмотрю», былъ отвѣтъ на мои слова.

Разноцвѣтовъ, о которомъ зашла рѣчь, принадлежитъ къ числу такихъ людей, съ которыми довольно пріятно можно провести время въ чужомъ домѣ, но съ которымъ короткое знакомство всегда оканчивается разладицей. Добрый и злой по капризу, по какой-либо пустой душевной вспышкѣ, Разноцвѣтовъ никому, существенно, не сдѣлалъ ни добра, ни зла, т. е. если не будемъ строго смотрѣть на перевѣсъ зла предъ добромъ, въ слѣдствіе его поступковъ. Выражая собою чловѣка подражательнаго, онъ очень обласкалъ Конона Петровича, когда тотъ пришелъ къ нему, не потому, что считалъ это дѣло добрымъ, а потому, что другіе уважали этого странника, и хотѣлъ исключительно завладѣть имъ. Подражаніе, по моему мнѣнію, иногда хуже приказанія: приказаніе не бываетъ выше силъ и средствъ чловѣка; въ противномъ случаѣ исполняютъ его на-столько, на-сколько можно. Но въ подражаніи иной изъ кожи лѣзетъ вонъ.

Такая безцеремонная, а главное — безнадзорная жизнь въ домѣ Разноцвѣтова, слишкомъ была по душѣ Конону Петровичу, Барянь, сидя въ креслахъ, дремлетъ надъ газетою, лакей въ

передней шьетъ, а горничная въ дѣвичей гадаеть въ карты, и только чиканье часовыхъ маятниковъ нарушаетъ всеобщую тишину довольно большого, стариннаго дома. Даже два жирныхъ кота всегда болѣе расположены ко сну, чѣмъ къ игрѣ. Но въ этомъ домѣ стараго холостяка всего было достаточно. При вторичномъ свиданіи Разноцвѣтова съ Конономъ Петровичемъ, такъ сошлись они между собою, что сдѣлались почти друзьями. Сгрустнется, — поѣдутъ въ какой-нибудь монастырь, въ Москву, въ Новгородъ. Не любя анализировать развитія страстей ни чужихъ, ни своихъ, Разноцвѣтовъ не слѣдилъ за поведеніемъ своего гостя, предлагалъ ему водку предъ обѣдомъ, между дѣломъ, ради здоровья, въ дорогѣ, и мало-по-малу, сверхъ своего ожиданія, такъ приучилъ его къ водкѣ, что тотъ началъ припрашивать, а наконецъ и ходить въ питейные дома, о которыхъ прежде отзывался съ отвращеніемъ. Пилъ ли онъ водку прежде, невѣстно. Однажды, возвращаясь отъ какого-то дивнаго отшельника, проживающаго въ лѣсу, верстахъ въ тридцати отъ Тихвинскаго монастыря, Разноцвѣтовъ заѣхалъ по пути въ свою приходскую церковь, гдѣ въ это время вѣнчали свадьбу, и пока тамъ распоряжался по своей ктиторской обязанности, спутникъ его успѣлъ хватить въ кабацѣ, издавна существующемъ близъ церкви, такую красоулю, что едва прибрелъ въ церковь. Священникъ не подозрѣвая въ немъ этой страсти, спрашиваетъ Разноцвѣтова, здоровъ ли его гость?

— Должно быть отъ дороги его слабая голова закружилась, отвѣчалъ тотъ, тоже не замѣчая, что этотъ гость сбился уже съ добраго пути. Съ этихъ поръ Кононъ Петровичъ не считалъ нужнымъ скрываться, сталъ явно ходить въ кабаки, и не гнушался даже деревенскою брагой. Когда Разноцвѣтова все въ глаза стали упрекать за поведеніе странника, онъ перемѣнилъ

ласковое съ нимъ обращеніе на холодное и даже суровое. Но несчастная страсть вступала уже въ свои права. Въ понедѣльникъ первой педѣли великаго поста по одному дѣлу пришлось мнѣ быть у Разноцвѣтова. Копонъ Петровичъ тутъ, и что-жъ вы думаете? Въ головѣ его, не смотря на такой великій день, масляница была еще въ полномъ разгарѣ. Жаль мнѣ его стало. Презрѣнный, уничтоженный сидѣлъ онъ въ лакейской, въ ожиданіи посла съ водкой. Съ горя еще выпилъ стакана два, поворчалъ что-то себѣ подъ носъ, плюнулъ и ушелъ изъ усадьбы Разноцвѣтова, съ которымъ даже не простился. Зашелъ ко мнѣ, и чѣмъ бы показать раскаяніе, опять завелъ недобрый рѣчи про Разноцвѣтова и показалъ намѣреніе оставить нашъ край навсегда. Но не такъ случилось на самомъ дѣлѣ.

Чрезъ годъ опять онъ вздумалъ посѣтить насъ, не предвидя ужасной своей кончины. Верстъ за тридцать до насъ, на постояломъ дворѣ, встрѣтился онъ съ одною помѣщицей моего прихода, которая, послѣ горячихъ съ нимъ споровъ на-счетъ истинныхъ путей къ спасенію, предложила ему подводу, которая шла за ней изъ города съ покупками. Копонъ Петровичъ, обрадовавшись случаю, что ему не пѣшкомъ придется идти, такъ неумѣренно выпилъ водки, что дорогой внезапно умеръ и уже мертвымъ гостемъ пожаловалъ въ усадьбу означенной помѣщицы.

Повѣдаю теперь о нѣкоторой «странницѣ», которая единственнымъ своимъ визитомъ моему приходу умѣла оставить по себѣ добрую память и расположить насъ въ пользу подругъ своихъ. Пріютъ себѣ избрала она у дьячка, для котораго, при многочисленномъ его семействѣ, всякій нахлѣбникъ бываетъ въ великую тягость. Земля у насъ песчаная, урожаи плохіе, а потому дьячекъ каждый годъ покупаетъ хлѣбъ. Гдѣ существуетъ бѣдность, угадать не трудно. Но и въ достаточномъ домѣ за-чѣмъ

заживаться прохожему? Пообѣдалъ, отдохнулъ, да и съ Богомъ въ путь. Нѣтъ, наша странница живетъ сутки, живетъ другія, и третья, безъ всякаго стыда и совѣсти. Дѣло было осенью. Сначала рассказывала она о своихъ путешествіяхъ по святымъ мѣстамъ, пѣла Лазаря и молитвы; потомъ, вмѣстѣ съ дѣвушками въ ближайшихъ деревняхъ, куда отправлялась по вечерамъ, начала подтягивать пѣсни, и наконецъ пошла и въ пляску. Освоившись хорошенько, стала занимать вечернюю публику сказками, побасенками, а потомъ рѣчь повела о такихъ вещахъ, о которыхъ нельзя и говорить въ печати. Замѣчаю дьячку, почему онъ не выгнать свою гостью. «Чтожъ мнѣ съ нею дѣлать? Говорить — не могу идти, нездорова». Скажи ей отъ меня, чтобы завтра же не было ея въ нашемъ погостѣ. Утромъ отъ дьячка она ушла, но не совсѣмъ, потому что оставила хотуль съ какимъ-то хламомъ, а къ ночи опять вернулась. А ходила она къ извѣстнымъ добродѣтелямъ и гостепріимствомъ двумъ пожилымъ дѣвицамъ изъ дворянъ, домъ которыхъ открытъ для всѣхъ странниковъ, хотя не безъ разбору. Опытъ заставилъ ихъ вглядываться въ подобныхъ посѣтителей. Онѣ почему-то заподозрили нашу пилигримку въ сомнительномъ поведеніи, и, приказавши ее накормить, дали ей только четвертакъ. Въ страшной досадѣ вернулась наша ханжа оттуда.

«Ахъ онѣ табія-сякія, а еще хваленныя! кричитъ она. Стоило ноги ломать... только ради нихъ и шла въ этотъ медвѣжій уголь! Хороша здѣсь и попадья, прибавила она въ досадѣ про мою жену, — пихнула мнѣ семитку... экое подаяніе! Какъ будто я какая нищая!».

Что за дрянъ, думаю, поселилась у насъ? Пора выпроводить ее изъ погоста. На другой день, послѣ обѣдни (въ это время шелъ сорокоустъ), иду къ дьячку и застаю ее въ занятіяхъ сортировки своихъ вещей.

— Что ты за женщина? спрашиваю.

«А вамъ что до меня!», отвѣчала она съ явственнымъ желаніемъ согрѣбуть.

Вмѣсто паспорта, который я потребовалъ, она подала указъ объ отставкѣ какого-то солдата, именуя себя его супругою. Ясное ручательство за ея личность!

«Я московская солдатка, подтвердила она, возимѣла желаніе ходить по богомолью, вотъ и все тутъ».

— Да какая же ты богомолка? У насъ идетъ каждый день божественная служба, а ты ни разу въ церкви не была.

«До этого тебѣ дѣла нѣтъ; я знаю, гдѣ надобно молиться, а у васъ, чай, и служба-то идетъ кое-какъ».

— Сей-часъ убирайся отъ насъ, строго сказалъ я, хотя въ душѣ смѣшно было на такое геройство бабы, — сей-часъ же, при мѣѣ.

«Погоди, пойду; ты думаешь, не еще ли приду къ тебѣ за двумя копѣйками!», ворчитъ она, прибирая свой хламъ и не обращая на меня вниманія. И пусть бы подобныя бродяги приносили нравственному міру одинъ только вредъ своимъ тунеядствомъ. Такъ нѣтъ; онѣ и въ религіозномъ отношеніи распространяютъ такія понятія, о которыхъ разумному человѣку и въ голову не придетъ. Кромѣ раскольническаго креста, которымъ онѣ учатъ престои народъ молиться, въ благодарность за гостепріимство хитрыхъ раскольниковъ, кто напр. пожаловалъ Марѳу посадницу въ святые? — Страницы. — На какомъ основаніи? — На томъ, будто она, цѣломудренная, много страдала невинно, а между тѣмъ была такая милосердая. Онѣ же распустили молву о нетлѣннѣ ея мощей, погребенныхъ въ селѣ Млевѣ, въ 35-ти верстахъ отъ г. Вышняго-Волочка, куда народъ собирается служить молебны посадницѣ. Нечаянно пришлось мнѣ узнать, что

и мои прихожане не отстаютъ. Что Марѳа посадница дѣйстви- тельно погребена въ селѣ Млевѣ, за это ручается народное пре- даііе, надпись одного памятника на кладбищѣ и даже исторія Карамзина, въ которой есть примѣчаніе объ этомъ. Но чтобы она была святая, — на это никакихъ бѣтъ данныхъ. Какъ ни стараются священники означеннаго села разувѣрять приходящихъ въ мнимой святости посадницы, но до сихъ поръ почитатели ея не переводятся, въ утѣшеніе которыхъ, разумѣется, служатся пан- нихиды, а не молебны.

Около того времени какъ проживала у насъ странница, въ одномъ приходѣ другой губерніи, вотъ какое случилось проис- шествіе, причиною котораго былъ странникъ. Въ разгулѣ празд- ника, въ честь Покрова, пьяные мужики одной деревни, собрав- шись въ кружокъ на улицѣ, разсуждали о воровствѣ, сдѣлан- номъ недавно въ одновотчинной ихъ деревнѣ, верстахъ въ 45 отъ нихъ. Вдругъ видятъ, идетъ къ нимъ въ деревню неиз- вѣстный человѣкъ, съ огромнымъ узломъ на плечахъ. По одеж- дѣ хотя казался онъ странникомъ, т. е. человѣкомъ хорошимъ, но узелъ клалъ на него подозрѣніе въ противномъ.

— А что, ребята, замѣтилъ одинъ мужикъ, не воръ ли это идетъ? Давай посмотримъ, чѣмъ его узелъ набитъ.

— И на самомъ дѣлѣ такъ, — вишь какой узлище! — под- твердилъ другой; у богомолевъ небольшіе бываютъ шалгуны.

— На-вѣрно Карповы овчины всѣ тутъ въ шалгунѣ, — при- молвелъ третій.

— Ну Стенка — ты посмѣлѣе... начинай, а тутъ и мы всѣ приступимъ, раздались голоса. Мужику, да къ тому-жъ и пьяно- му, только бы начать, а тутъ явится въ немъ такой азартъ, въ которомъ онъ медвѣдя кулакомъ убьетъ.

— А что, почтенный, что у тебя тутъ наладено въ шал-

гунѣ? Ты, не бойсь, насбиралъ это по чужимъ клѣтямъ? — началъ Стенка безъ околичностей, заходя прохожему съ тылу. — Тащи съ него шалгунъ! подхватили прочіе.

«Что вы, друзья мои, что вы хотите дѣлать? говоритъ странникъ. — Да не што!... Ну, ребята — глядите, что есть въ шалгунѣ?»

Странника схватили за воротъ, узелъ стащили съ плечъ, развязали, и ну всякій своими руками выбирать вещи, не для того, кажется, чтобы ихъ освидѣтельствовать только, но чтобы ими завладѣть. Съ крикомъ и бранью вырываютъ другъ у друга вещи; и одинъ изъ толпы, замѣтивъ, что у странника и за пазухой есть что-то, засунувъ туда руку, выхватилъ кошель съ деньгами и хотѣлъ бѣжать.

— Эй, ребята! О-дѣйка деньги унесъ! — раздался голосъ. Всѣ бросились къ О-дѣйкѣ, отняли у него кошель, и, оспаривая его другъ у друга, разорвали его такъ, что деньги звонко брякнули, упавши на мерзлую землю. — Ребята... да все серебряныя! — изумленными голосами заорали мужики.

И пошла потѣха! Всѣ бросились подбирать деньги, началась ужасная брань, давка, драка. Кому досталось много, тотъ хотѣлъ скрыться, — не тутъ-то и было. Съ концевъ деревни сбѣгались новыя толпы мужиковъ и бабъ, и при словѣ — деньги! все понимая даже въ чемъ дѣло, удерживали бѣжавшихъ... образовались партіи, которыя, съ кольями и полѣвьями начали нападать одинъ на другаго. Праздникъ превратился въ грабежъ, въ бѣйню, тѣмъ болѣе, что и бабы не были безъ дѣла. Предоставивши деньги дѣлить мужьямъ, онѣ съ жадностію бросились на оставленный узелъ, и такъ миролюбиво дѣлили вещи, что только клочья летѣли. Напотѣшившись до-сыта, съ изуродованными лицами и платьемъ, осыпая другъ друга самыми при-

вѣтливymi словами, всѣ, наконецъ, стали расходиться по домамъ.

И было изъ чего ратоборствовать, по понятію крестьянъ. Въ кошелѣ находилось денегъ не менѣе 70 руб., и все серебряною монетою; а въ узлѣ были два заячьихъ мѣха, одинъ лисій и нѣсколько кусковъ ситцу и коленкору. Откуда все это у странника? Не случись, однакожъ, такого стеченія обстоятельствъ, онъ прошелъ бы мимо деревни благополучно. Въ сумятицѣ деревенскій староста взялъ его къ себѣ, и, узнавши въ чемъ дѣло, отправилъ его въ станъ. Какая же послѣдовала развязка всему этому? Самая обыкновенная!

— Тебя на-чисто ограбили? спросилъ становой странника.

«Нѣтъ, ассигнаціи цѣлы: онѣ у меня защиты въ халатѣ», отвѣтилъ этотъ, какъ старинный знакомый.

— Давай же ихъ сюда, а съ мужиками я разберусь; наше не пропадетъ. Ступай, впредь будь остороженъ. Недѣли двѣ спустя, странника видѣли въ такомъ расположеніи духа, какъ будто съ нимъ ничего не случилось. Это происшествіе, по моему мнѣнію, не такой бы стоило развязки.

Впрочемъ становые какъ ни снисходительны къ однимъ и какъ ни страшны для другихъ, но и имъ приходится иногда встрѣчаться съ такими личностями, въ столкновеніи съ которыми авторитетъ ихъ разбивается въ дребезги. Что напр. имъ дѣлать съ какимъ-либо поручикомъ или капитаномъ, дозволяющими себѣ дѣлать разныя гадости въ своихъ странствованіяхъ? На вопросъ — кто - они? гордо сказываютъ свой чинъ и фамилію; на требованіе письменнаго вида, подають послужной списокъ; на замѣчаніе, на-счетъ ихъ неблагопристойныхъ поступковъ, говорятъ — не ваше дѣло! И такимъ образомъ безданно, безошлинно переѣзжаютъ изъ мѣста въ мѣсто, платя за гостепріимство деревенскихъ простаковъ самую пошлую монетою. О такихъ

господахъ говорю не по слухамъ; я самъ вытерпѣлъ отъ нихъ неоднократное нашествіе. Пунтиринъ не былъ, по крайней мѣрѣ, столько дерзокъ, чтобы навязываться на продолжительную дневку; а вотъ вамъ образчикъ цѣлой группы странниковъ изъ благородныхъ, которыхъ не вдругъ выкуришь съ квартиры.

Лѣтъ пять тому назадъ, въ концѣ сѣнокоса, вечеромъ пришелъ я домой съ пустоши, въ полной надеждѣ на пріятный отдыхъ, послѣ дневныхъ трудовъ. На-бѣду застаю дома гостя, который, отъ нечего дѣлать, искалъ случая убить время. Не успѣли мы съ нимъ выпить по стакану чаю, какъ входитъ ко мнѣ въ домъ какой-то человѣкъ, въ сѣрой шинели, благороднаго сукна, крѣпко вытертаго. Лицо и манеры показывали, что въ немъ течетъ непростая кровь.

— Кого честь имѣю видѣть? спросилъ я.

«Отставной капитанъ Ржавинъ, ... ѣду съ Кавказа въ Петербургъ и, за неимѣніемъ собственныхъ средствъ къ продолженію пути, вынужденнымъ нахожусь прибѣгать къ благотворительности добрыхъ людей».

Подаетъ просительное письмо, въ которомъ, въ параллель патриотическихъ его чувствъ, выставлена горькая жалоба на жестокость рока; а для несомнѣнности въ своемъ званіи и чинѣ, подаетъ и послужной списокъ, изорванный, засаленный. Какъ не предложить чаю, когда самоваръ на столѣ.

— Покорно прошу садиться, говорю я ему.

«Я не одинъ», отвѣтилъ онъ съ пресладкой улыбкой.

— Кто-жъ съ вами еще?

«Жена, сынъ, и ... братъ съ женою».

— Охъ, думаю, не ладно! На-вѣрно рассчитываютъ на ночлегъ, а между тѣмъ и некогда, и некому за ними ходить. Но слова назадъ не возьмешь.

— Очень радъ, говорю.

И вотъ, чрезъ нѣсколько минутъ, набралось ко мнѣ гостей цѣлый домъ, въ добавокъ съ прескверною собаченкой. Братъ капитана представлялъ калѣку, — горбатый, колченогій, съ разсѣченною верхнею губой и рыжими курчавыми волосами. Дамы съ перваго взгляда показались мнѣ принадлежащими къ тому кругу, изъ котораго, подобаго рода женщины, соглашаются на всѣ роды путешествій съ своими благодѣтелями, не смотря ни на чинъ, ни на ихъ званіе, лишь-бы получать содержаніе. Измятыя и истертыя ситцевыя платья съ оборками, грязныя ночные чепцы на головахъ, — вотъ ихъ туалетъ. Мальчикъ, лѣтъ 13-ти, представлялъ собою самое несчастное созданіе, скелетъ котораго прикрытъ былъ рваною курткой и такими-же брюками, изъ которыхъ высывались голыя колѣни. Чтобы не показаться бездѣльницами, дамы тотчасъ принялись вязать чулки. Лицо и манеры старшей изъ нихъ, именуемой женою капитана, вполне ручались за ея происхожденіе изъ крестьянскихъ бабъ, а младшая смахивала на еврейку.

— За-чѣмъ вы ѣдете въ Петербургъ? спросилъ я капитана.

« Представиться къ Государю и принести ему жалобу на корпуснаго генерала, который поступилъ со мною самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Намѣстникъ Кавказа всегда зналъ меня за отличнаго офицера и неоднократно двалъ мнѣ важныя порученія. Разъ послалъ онъ меня въ полкъ N въ качествѣ ревизора, чтобы тамъ привести въ порядокъ запутанныя дѣла по прогнантой части. Нахожу ужасныя злоупотребленія и, какъ честный и благородный человѣкъ, я... ».

— Понимаю, перебилъ я его, не желая болѣе слушать вранья. А братъ вашъ съ какою цѣлю ѣдетъ въ Петербургъ?

« То-же къ царю. Князь Б., его сосѣдъ по имѣнію, отнялъ

у него почти всю землю. Можно ли терпѣть такое насиліе?! Вполиѣ надѣмся на Монаршее вниманіе».

При такихъ разсказахъ капитана, на лицахъ дамъ не разъ пробѣгала лукавая улыбка. Взявши послѣдній стаканъ чаю, капитанъ не торопился пить его, чтобы дотянуть время до темной ночи, и началъ занимать меня разными анекдотами о шулерскихъ продѣлкахъ. Описывая свое путешествіе, жаловался на невѣжество простаго народа, который будто бы слишкомъ негостепріименъ.

«Помилуйте, говорить, въ иной деревнѣ вовсе не даютъ квартиры... хоть на улицѣ ночуй. Я, впрочемъ, не церемонюсь съ этими извергами; хватишь по-уху того, другаго, — и все къ вашимъ услугамъ. Съ простымъ народомъ пельзя иначе и обращаться. Только тамъ бываетъ намъ хорошо, гдѣ меня сочтутъ за неправника, именемъ котораго я вынужденнымъ находился иногда прикрываться».

Наступила ночь, подали огонь, а я не предлагаю гостямъ ночлега. Капитанъ, опорожнивъ стаканъ съ чаемъ, вдругъ перемѣнилъ разговоръ слѣдующимъ образомъ, какъ-бы разсуждая самъ съ собою: «третьяго дня мы ночевали въ селѣ N у священника, вчера въ селѣ NN тоже у священника, а сегодня....».

— А сегодня приходится ночевать у меня, сказалъ я съ стѣннымъ сердцемъ.

«Ахъ, любезный батюшка, воскликнулъ онъ, весьма насъ обяжете. Кромѣ васъ негдѣ намъ искать теперь пріюта. И такъ, куда прикажете убирать лошадей?».

— Лошади могутъ стоять на улицѣ, сказалъ я.

«Позвольте, по крайней мѣрѣ, вещи принести въ домъ».

— Извольте!

Боже мой, какого хламу натащили они ко мнѣ изъ своихъ

кибитокъ! Постельники, подушки, половики, служащiе имъ вмѣсто ковровъ, халаты, чемоданы, и все это съ пылью, грязью и сѣномъ. А горбачъ притащилъ даже и торбу съ овсомъ. Чистоту и опрятность въ домѣ я люблю какъ добродѣтель, и предъ этимъ только-что обиль его шпалерами. И вдругъ цѣлый домъ грязи!

«За-чѣмъ ты принесъ торбу сюда?», съ досадою сказалъ капитанъ горбачу, — и съ этими словами швырнулъ ее въ сѣни.

— А тебѣ какое дѣло до моихъ вещей? сердито отвѣтилъ горбачъ. Тебѣ опять хочется украсть у меня овса, — и при этомъ хладнокровно принесъ торбу въ зало и пихнулъ ее подъ диванъ.

Отъ брата, что ли, пряталъ горбачъ вещи, или просто по пословицѣ «дальше положишь, ближе возьмешь», только онъ какой-то узелъ вздумалъ внести въ небольшую комнату, примыкавшую къ прихожей, гдѣ на полу спали мои дѣти, и въ потѣмахъ отдалъ одному изъ нихъ ногу. Ребенокъ крикнулъ, расплакался. Но какъ ни досадно было мнѣ на такую неосторожность горбача, дѣло можно было бы поправить. Такъ нѣтъ! Проклятая собаченка, какъ на зло, бросилась къ ребенку и предъ самымъ его носомъ начала утѣшать его презвонкимъ лаемъ. Капитанъ, въ злобѣ на горбача и въ мое утѣшенiе, разомъ хотѣлъ поправить дѣло, вскочилъ въ комнату къ дѣтямъ и такъ сильно тиснулъ собаченку ногою, что та залилась страшнымъ визгомъ, отъ котораго всѣ дѣти мои всполошились. Мнѣ самому голову сжало какъ желѣзнымъ обручемъ.

— Не стыдно-ли вамъ дѣлать такой гвалтъ въ домѣ? сказалъ я, сильно взволнованный. Но имъ было уже не до меня.

«Я тебѣ давно говорилъ, уродъ, чтобы ты бросилъ свою мерзкую собаченку!», кричитъ капитанъ горбачу.

— А я тебя давно прошу, запальчиво отвѣчалъ тотъ, не

учить меня; моя собака для меня гораздо лучше и дороже тебя. Если отъ меня не отстанешь, я тебѣ плюну въ рожу!

«Посмѣй, уродъ, такъ я тебя въ первой лужѣ утоплю. Ты развѣ можешь говорить такъ капитану?!...»

— Я самъ сынъ маіора! прохрипѣлъ горбачъ.

— Господи! за что ты наказалъ насъ такимъ несчастіемъ! воскликнула жена моя въ слезахъ, утѣшая дѣтей. Посмотри, что дѣлается въ сѣняхъ, говоритъ она мнѣ, — насъ могутъ выжечь! Я бросился въ сѣни, и чтожъ? дамы тамъ, безъ всякой осторожности, курятъ махорку въ бумажныхъ турлячкахъ, изъ которыхъ, при довольно большомъ вѣтрѣ, искры такъ и разсыплются по сѣнямъ. Не успѣлъ я сказать имъ слова, какъ капитанъ явился предо мною и, принявъ позу рапортующаго, сказалъ: «считаю долгомъ предупредить васъ, почтенный батюшка, что этотъ горбачъ — премерзская тварь; сстерегитесь, онъ непременно васъ обокрадетъ, при помощи своей милой жены, которую честь имѣю рекомендовать», — прибавилъ онъ, указывая на жену горбача. «И какъ вы думаете, кто она такая? Мѣщанка, бывшая на содержаніи у одного подъячаго, который наградилъ сю моего братца. Впрочемъ они-почти и не вѣнчались».

— Ужъ за-то ты хорошъ, вступилась была та; про другихъ говоришь, а самъ пья....

«Ахъ ты....», разразился было капитанъ. Но я, выведенный изъ терпѣнія, съ полнымъ правомъ хозяина, сказалъ, что если они не перемѣнятъ своего поведенія, то пошлю за крестьянами, которые помогутъ мнѣ справиться съ такими дорогими гостями. Когда буйство затихло, жена моя подала гостямъ ужинъ, и мерзко было смотрѣть, съ какою жадностію они оспаривали другъ у друга пищу. Горбунова жена, украдкою отъ меня, бросала куски хлѣба подъ столъ собаченкѣ, обмакивая ихъ въ молоко и яич-

ницѣ. По окончаніи же ужина, лишніе ломти хлѣба попрытаны были по карманамъ, такъ-что на столѣ не осталось ровно ничего. Перебранки во время ужина почти не было, однако горбачъ, въ насмѣшку надъ капитаномъ, вызвалъ его рассказать пресмѣльной анекдотъ, который недавно съ нимъ приключился.

« Представьте, батюшка, — началъ капитанъ, по выходѣ изъ-за стола, я никогда не робѣлъ подъ пулями и шашками черкесовъ... ».

— Ну ужъ хвастай небывальщиной-то, иронически перебила его горбунова жена.

« Молчи, не твое дѣло, злобно крикнулъ на нее капитанъ, и продолжалъ. Представьте, вѣдь иногда жизнь бываетъ на волоскѣ въ дѣлѣ съ этими дикими обитателями Кавказа. Но все, бывало, ни почемъ. А недѣли двѣ тому назадъ, простая деревенская баба, такого задала мнѣ страху, что срамъ сказать. Остановились мы утромъ въ одной деревнѣ, народъ какъ метлой выпаханъ, нѣту никого. А завтракать сильно хотѣлось. Спрашиваю ребятешекъ, гдѣ домъ деревенскаго старосты? «А вотъ, говорятъ, второй отъ краю». Вхожу въ избу и застаю хозяйку у квашни, которую она, вся въ поту, усердно мѣситъ и что-то ворчитъ про себя.

« Здѣсь живетъ староста? ».

— А на что тебѣ? сердито отвѣтила она, почти не взглянувъ на меня.

« Намъ надобно квартиру ».

— А какая тебѣ фатера? Теперь вездѣ фатера.

« Ну, такъ давай намъ ѣсть ».

— А чего я для тебя приготовила?

« А вотъ яйцъ, а вотъ и молоко, сказалъ я, взявши съ лавки чашку съ яйцами ».

— Ахъ ты.... досугъ мнѣ возиться съ вами, патунами, на барщину поспѣй, на свою работу поспѣй, а онъ еще безъ спросу и яйца беретъ... И съ этими словами какъ хватить меня за плечи, — всею мукою и тѣстомъ запачкала, каналья. Я ретироваться, а она такъ и наступаетъ, такъ, говоритъ, и хвачу по чему ни попало, и тѣста не пожалѣю!

Такъ и ушелъ я отъ ней ни съ чѣмъ, и стыдно на улицу было показаться, заключилъ капитанъ.

Нѣсколько развеселилъ меня этотъ анекдотъ, однако во всю ночь я не могъ заснуть ни на минуту. Утромъ рано надо было отправляться на пустошь къ работникамъ и свезть имъ завтракъ. Не тутъ-то было. Господа, проспавши до девятаго часу, и послѣ чаю не показывали виду къ отъѣзду. Капитанъ съ горбачемъ вышли къ своимъ клбиткамъ, заколачиваютъ гвоздики, вьютъ веревочки, а дамы, усѣвшись около открытыхъ оконъ и любуясь ландшафтами сельской природы, вяжутъ чулки.

— Послушайте, сказалъ я капитану, мнѣ пора идти на сѣнокосъ, но безъ себя я не могу оставить васъ въ домѣ. Извольте позавтракать и отправляйтесь, куда знаете.

« Я и самъ не знаю что дѣлать, отвѣчалъ онъ; положеніе мое самое критическое. Жена моя опасается далѣе ѣхать, чтобы не пришлось родить въ дорогѣ: она почувствовала признаки скорого разрѣшенія отъ беременности ».

Признаюсь, ужасно поразилъ онъ меня этимъ извѣстіемъ. Но лукавый его взглядъ, брошенный на меня и веселое расположеніе его жены, которая дѣйствительно находилась въ почтенномъ положеніи, доказали мнѣ тотчасъ, что капитанъ только издѣвается надъ моимъ терпѣніемъ. Но, слава Богу, наконецъ они рѣшились ѣхать. Во время завтрака опять та-же исторія: какъ и за ужиномъ куски подъ столъ собакѣ, а ломти по карманамъ. Что-то по-

завтракаютъ мои работники, думалъ я, смотря на закуску гостей, развѣ ягодъ поберутъ.

« Не пожалуете ли намъ сколько-нибудь денегъ? », сказалъ мнѣ капитанъ послѣ завтрака.

— Покорно благодарю за предложеніе, отвѣтилъ я, не церемонясь; съ меня довольно и той страшной пытки, какой вы подвергли меня и мое семейство. — Впрочемъ у меня и денегъ не было ни копѣйки, по обыкновенію.

« По крайней мѣрѣ пожалуйте хлѣба ».

Когда я вынесъ полхлѣба, капитанъ уперъ на меня вопросительный взоръ, который прямо выражалъ, — « только-то? ».

— Извините, сказалъ я, больше дать не могу; мы приобретаемъ хлѣбъ тяжкими трудами и только-что сводимъ концы съ концами.

И какъ-же поступлено было съ моимъ хлѣбомъ? При мнѣ же капитанъ разломалъ его на куски и сталъ кормить своихъ лошадей. Въ 12-ть часовъ все было готово къ отъѣзду. Дамы усѣлись въ кибиткахъ, горбачъ и сынъ капитана забрались на козлы, а самъ капитанъ, приготовивши для себя верховую лошадь, граціозно сѣлъ на нее, ловко сдѣлалъ намъ подъ козырекъ и отправился во главѣ поѣзда. На прощаньи горбачъ страшно перетопталъ полъ въ домѣ дегтемъ, приставшимъ къ его сапогамъ, когда онъ возился около своей кибитки. Къ полнотѣ нашего удовольствія, въ шкафу, который былъ не запертъ, по отъѣздѣ гостей, не оказалось ни чаю, ни сахару. И по дѣломъ: замки и личинки не даромъ вѣдь придуманы.

По справкамъ оказалось, что капитанъ, съ милымъ своимъ семействомъ, ни откуда честно не выѣзжалъ, а у одного священника такъ расхвляничался, что съ женою священника сдѣлалась страшная истерика. При первомъ удобномъ случаѣ непре-

мѣнно предавались пьянству, и, добравшись до бологовской станціи на николаевской желѣзной дорогѣ, передрались тамъ и разсѣялись по разнымъ сторонамъ.

Какую роль, спросите вы, игралъ мальчакъ? Самую жалкую. На-вѣрно ни одинъ безчеловѣчный фабрикантъ не обращался такъ съ своими наемными мальчиками, какъ Ржавинъ съ своимъ сыномъ. За каждое слово, за каждое движеніе доставался ему щипокъ то за щеку, то за ухо, то за волосы. Догадываюсь, что онъ не родной сынъ капитана, а несчастный сирота, подпавшій подъ опеку любезнаго родственника.

Статья моя мало сказала въ пользу «странниковъ». Да не прогибаются на меня за это ихъ почитатели. Изъ жизни странниковъ довольно много знаю я случаевъ такихъ, за которые ихъ почитатели чуть-чуть не подвергнулись уголовному суду, какъ укрыватели бѣглыхъ и безпаспортныхъ негодяевъ, какими оказывались нѣкоторые изъ нихъ. Цѣль моей статьи — послужить неопытнымъ въ пользу. Я писалъ съ натуры, безъ всякаго вымысла. И надобно замѣтить, что если въ такомъ захолустьи, какъ мой приходъ, довольно часто показываются странники, то сколько же можно ихъ насчитать на большихъ трактахъ и въ мѣстахъ, такъ называемыхъ, притонныхъ!...

Свящ. П. Исполатовскій.

ПО НЕВЪ ДО ШЛЮССЕЛЬБУРГА

И КАНАЛОМЪ ДО ЛАДОГИ.

Старая-Ладога, дрянной посадъ, бывшее гнѣздо Рюрикова дома: славныя урочища; храбрость прежнихъ Ладожанъ; развалины Георгіевской крѣпости; Церкви; старинныя фрески (постѣнное писаніе); Церковь въ Гостиномъ-полѣ.

На лѣвомъ берегу Волхова, между николаевскимъ старолadoжскимъ монастыремъ и посадомъ старою Ладогой, въ трехъ четвертяхъ версты отъ перваго, — на мысѣ, который соединяется съ посадомъ посредствомъ моста, устроеннаго тутъ почти на устьѣ рѣки Ладожки, находятся развалины небольшой крѣпости *Георгіевской*. — Полуразрушенныя каменныя ея стѣны, башни и остатки довольно еще высокихъ земляныхъ валовъ отрѣзаны отъ поля къ рѣкѣ обогнушею ихъ дорогою, пролегающею чрезъ старую Ладугу (отъ новой) до николаевского монастыря, подъ сградю котораго она идетъ далѣе опять по самому берегу Волхова.

Тѣсное пространство, занятое лачугами нынѣшняго посада, — вѣскольکو полей на пустынномъ прибрежѣ Волхова и Ладого.

жицы, — бѣдное кладбище, подъ многочисленными ярусами котораго истлѣли поколѣнія, — огородъ, гдѣ убогія инокини, согнувшись подъ зноемъ, обсушиваютъ картофель, чтобъ пропитаться въ зиму, — изрытый плугомъ валъ, на которомъ слышно бряцанье позвонковъ коровъ, — гряды капусты и лука, собственность бѣднаго церковника во рвахъ крѣпости, — подножія твердынь, обращенныя лѣсопромышленникомъ въ складку дровъ послѣдняго разряда, — дымъ и пламя известковыхъ печей на берегу, по которому лилось пламя войны, — визгъ пилы, рѣжущей бревно на доски, — жалобный крикъ чайки, залетѣвшей съ вѣтромъ, возмущившимъ желтея воды Волхова, — пять, шесть челновъ, въ которыхъ женщины медленно опускаются по теченію, чтобъ перехватить сѣтью сига, на дневную пищу семьѣ... Вотъ что осталось отъ богатства издревле славной старой Ладоги, первой нашей столицы, колыбели княжества и зародыша имперіи!

«Израшася три братія и придоша къ славяномъ первое и срубиша градъ Ладогу и сѣдъ въ Ладогѣ старѣй Рюрикъ»¹.

На мѣстѣ этихъ двухъ не большихъ улицъ, отороченныхъ десяткомъ и взранныхъ домовъ, былъ обширный городъ, раскинувшійся далеко-далеко, кругомъ во все стороны. — Городъ богатый, имѣвшій своихъ посадниковъ, свое войско; промышленный, дѣятельный, давшій нѣмцамъ въ стѣнахъ своихъ мѣста для ихъ торговыхъ дворовъ, для кирки св. Николая, для кладбища и луговъ, — какъ и новгородцы, въ свою очередь, имѣли свою церковь на островѣ Готландѣ². — И здѣсь, какъ въ Н вѣ-

¹ Ист. гос. рос. Карамзина (изд. 1 ч. III. пр. 372) по спискамъ кенигсбергскому, хлѣбниковскому и ипатьевскому харатейному.

² Въ Новгородѣ готландцы имѣли божницу св. Олафа. — Между условіями договора съ Новгородомъ, найденнаго Карамзинымъ въ Любскомъ архивѣ, было постановлено: нѣмцамъ невозбранно учить

городѣ, живали гости, раздѣлявшіеся на лѣтнихъ и зимнихъ, давшіе наименованіе гостинному полю (нынѣшней гостиннопольской пристани, 20-ю верстами выше на Волховѣ), огромному складочному мѣсту и биржѣ тогдашней заморской торговли, — тутъ обращались товары и золото знаменитой Ганзы. Въ двухъ верстахъ отъ крѣпости, къ сторонѣ Новгорода, протекаетъ ручей, и теперь еще называемый Кровавикъ, образовавшійся, какъ говоритъ преданіе, отъ крови бившихся на этомъ мѣстѣ, которое сохраняетъ до сихъ поръ названіе Побѣдище, по одержанной Невскимъ побѣдѣ въ 1191 году. Въ 1228 (6736) году — «придоша Емь воевать въ Ладозское озеро въ лодкахъ, новгородцы вѣсѣдавѣше въ насады вгребоша въ Ладогу съ кн. Ярославомъ; Володиславъ, посадникъ Ладозскій съ ладожаны бежда новгородцы гонися» и проч. Такъ не разъ ладожане одни справлялись съ непріятелемъ; въ 1283 (6791) году — «снидоша нѣмцы ратію, Невую, въ озеро ладожское и идоша ладожане въ Неву и бишася съ ними». — Черезъ годъ — «воевода нѣмецкій Трунда въ лойсяхъ и шнекахъ влестоша Невую въ ладожское озеро; новгородцы съ ладожаны шедше стали на усть Невы и избиша». — Лѣтопись новгородская наполнена этими свѣдѣтельствами о военномъ значеніи Ладоги.

Не Волховъ ли плескалъ желтыми струями въ плитяныя ребра напластовавшихся здѣсь береговъ, когда равноапостольный Владиміръ (1007 — 1011) воевалъ съ Эрикомъ норвежскимъ,

своихъ дѣтей русскому языку, — не застраивать мѣстъ отъ церкви св. Николая до гостиннаго двора (въ Ладогѣ), кладбище св. Петра и торговые дворы нѣмцевъ и готландцевъ обносить заборами, — нѣмецкія церкви св. Петра, а въ Ладогѣ св. Николая, снабжать особо отведенными лугами и проч. (Карамзинъ, ч. III изд. 3., стр. 236, примѣч. 203).

осаждавшимъ Альдегайбургъ (нынѣшнюю Ладогу), къ которому приставали скандинавскіе мореплаватели? Не синія ли волны огромнаго «озера — моря» ладожскаго бушевали тутъ тогда или прежде, на огромнѣйшемъ еще просторѣ, въ воронкѣ, образуемой возвышеннѣйшимъ гребнемъ стародавнихъ будто-бы береговъ, между Волховомъ и Ладожкой? — Географическое очертаніе мѣстностей, — геологическіе признаки долговременнаго пребыванія здѣсь воды, — наблюденіями подтвержденное мнѣніе объ удаленіи водъ отъ сѣверныхъ береговъ, о возвышеніи отъ-того земель въ однихъ мѣстахъ и занятіи ихъ водою въ другихъ, наконецъ намеки лѣтописей — не дозволяютъ утверждать положительно, что Ладога (Альдегайбургъ¹) не могла находиться древле на берегу самаго озера.

Лѣтописи говорятъ, что Рюрикъ основалъ свой городъ между устьемъ Волхова, при впаденіи его въ озеро альдогское, и рѣкою Ладожкою, и что суда скандинавцевъ приставали *къ Ладотъ на озеръ*; но онѣ не опредѣляютъ, чтобъ суда эти входили въ рѣку.

Любопытное мѣсто! — Не одна эта догадка займетъ здѣсь русскаго, православнаго, — еще не вполне разрѣшено положительно, начатки ученія Христова не прежде ли крещенія народа равноапостольнымъ на югъ были внесены сюда, а отсюда въ Новгородъ, съ ближайшихъ гранитныхъ скалъ ладожскаго валаамскаго острова, гдѣ они насаждены ревностью преподобныхъ

¹ Альдегайбургъ или Альдега-бургъ производятъ отъ Альдескъ, Альда, Альдога, древнѣйшее названіе ладожскаго озера, измѣненное анаграмматически въ Ладога. За исключеніемъ звука га, изъ Альдегабургъ составляется Альдс-бургъ, старый городъ. (Карамз изд. 3, примѣч. 434).

выходцевъ изъ Греціи, подъ свѣію камелнаго креста, поставленнаго руками самого первозваннаго апостола?

Любопытное мѣсто!... Сколько воды, откуда и куда протекло между береговъ этихъ; — сколько совершилось событій; — сколько поколѣній тревожно пронеслось тутъ, какъ проносятся гонимыя вѣтромъ облака! Бранные гулы, торговое богатство, значеніе, слава, клики побѣдъ, шумъ, радости и вопли отчаянія — все исчезло!!... *Все* исчезло безвозвратно, безотзывно;... только храмы, да монастыри стоятъ, будто нося начертаннымъ на главахъ и крестахъ своихъ конечный смыслъ всего, что совершалось и еще совершается подъ ними. Что осталось за временною гибелью всѣхъ и всего? то, что необходимо для спасенія всѣхъ и всего отъ гибели вѣчной... О временномъ только заботится человѣкъ въ скоротечной жизни своей; но Богъ милосердый заботится о его вѣчности.

О каменной крѣпости Георгіевской и земляныхъ ея валахъ мнѣнія, основанныя частью на историческихъ данныхъ, частью же на догадкахъ, различны. Нѣкоторые усиливается приписать Рюрику не только остатки нынѣшнихъ каменныхъ стѣнъ и башенъ, но даже остатки земляныхъ валовъ. Выше мы видѣли, что точно Рюрикъ срубилъ «градъ» — (ограду, крѣпость), слѣдовательно, по буквальному смыслу, имъ былъ сдѣланъ (срубленъ) деревянный тынъ или иная ограда около поселенія. Необходимость въ укрѣпленіи этого мѣста обороною сильнѣйшею могла встрѣтиться позже, и вотъ въ 1114 — 1116 году, при Владимірѣ Мономахѣ, одновременно съ основаніемъ Владиміра залѣскаго, новгородскій посадникъ Павелъ¹ построилъ камен-

¹ Въ лѣтописи новгородской онъ названъ посадникомъ ладожскимъ.

ную стѣну¹. Другіе хотятъ приблизить строеніе этой крѣпостцы и землянаго вала пятю къ намъ вѣками, приписывая ихъ Дела-Гардію, по взятіи имъ въ 1611 году Новагорода. Вторые подтверждаютъ мнѣніе свое преданіемъ, что, при разрытіи въ недавнее время могилъ внутри крѣпости, между костей находили будто-бы очень длинныя шпоры, которыя, не входя въ вооруженіе славянъ и современниковъ Рюрика, могли принадлежать только шведамъ. Первые, основываясь на положеніи мѣста, имѣющаго естественную защиту съ трехъ сторонъ, отъ озера, Волхова и Ладожска, соображаютъ, что надлежало укрѣпить и четвертую, слабую, полуденную, валомъ; но валъ, обращенный къ Новгороду, могъ быть необходимымъ для огражденія себя отъ новгородцевъ; — внутри же крѣпости, построенной славянами, шведы могли быть погребены въ послѣдствіи. Всѣ этого рода предположенія остаются болѣе или менѣе гадательными, да и въ разрѣшеніи ихъ не представляется особенной важности.

Оврагъ (бывшій ровъ) и осыпавшійся валъ, прилежающіе, какъ сказано, къ южной сторонѣ крѣпости, представляютъ поворотами своихъ линій удлиненное, довольно обширное бастіонное укрѣпленіе. Длиннѣйшія, діагональныя протяженія его 118 и 90 саж.;

¹ Карамзинъ (изд. 3, ч. 2, стр. 163, пр. 208) говоритъ, что крѣпость эта построена по повелѣнію новгородскаго кн. Мстислава Владиміровича. Въ рукописной книгѣ «Причникъ» (писанной на пергаменѣ уставомъ въ два столбца) находится приписъ противъ 1116 года: «Гди заступи раба своего Павла нашего посадника Ладожска и мене греходѣля Жарослава и пособи докнчати Ладозю упервые каменнюю и воздвигнуть церковь Богородици» и проч. Въ первой новгородской лѣтописи противъ 6624 года (1116) сказано: «въ томъ же лѣтѣ Павелъ посадникъ ладожскій заложи Ладогу городъ камянь».

главный, выходящий въ поле, бастіонъ, наиболѣе сохранившій фигуру свою, имѣетъ по 30 саж. въ фасъ; два боковые менѣе его и болѣе разрушились, они связаны курттинами въ 20 сажень; прилегающей къ крѣпостцѣ прямой бокъ около 80 саж. длины.

Самая крѣпость (въ характерѣ итальянскихъ этого рода построеній) имѣетъ видъ четырехугольника съ круглыми башнями по угламъ и съ квадратными, 10-ти саженными, на одномъ углу и въ серединѣ восточнаго, обращеннаго къ селенію фаса. Въ этой башнѣ были устроены въздвны косыя ворота, по совершенномъ разрушеніи ихъ замѣненные въ 1849 году новыми, кирпичными. Фасъ, о которомъ мы говоримъ, какъ и противоположный, омываемый Волховомъ, вмѣстѣ тянутся на 65 саж., боковые же, сѣверный въ 22, а южный въ 30 саж. Зубчатые обвалы, въѣдаясь въ стѣну все глубже, оставили въ ней въ иныхъ мѣстахъ только до 4-хъ, въ другихъ до 6-ти, а въ башняхъ до 8-ми саж. выпяты, при средней толщинѣ стѣны до 3-хъ саж. въ основаніи.

Строеніе сложено чрезвычайно хорошо, изъ булыжнаго круглаго камня, иногда огромной величины, по мѣстамъ перемѣшаннаго съ плитою, изъ которой сведены всѣ своды. Искусство тогдашней кладки изъ столь неудобнаго матеріала доказано възвкою прочностью; заливка же (цементъ), въ которой господствуетъ, какъ кажется, известъ особеннаго свойства, отвердѣла какъ желѣзо; и по-нынѣ ее съ великимъ усиліемъ должно отколачивать отъ камня, въ которой она какъ будто-бы впиалась; но долговременное вліаніе воздушныхъ перемѣнъ сѣдаетъ и ее. Только по наружнымъ угламъ, какъ напр. въ башнѣ, плита правильно отесана. Четвероугольная площадь внутренности крѣпости, заключаетъ въ себѣ до 1550 кв. сажень.

И здѣсь, какъ во всѣхъ подобныхъ мѣстахъ, народное пре-

даніе утвердило существованіе подземныхъ ходовъ изъ крѣпости, не только будто-бы къ селенію, подъ рѣчку Ладожку, къ По-бѣдищу за двѣ версты, къ бѣлымъ крестамъ верстахъ въ 8-ми отъ Ладogi, близъ Загвозья (мызы г. Философова), — и не подъ Волховомъ лишь, — но и вплоть до самаго будто-бы Новгорода, сквозь камень и плиту, изъ которыхъ глубоко напластована почва всей страны.

Нѣкоторыя свидѣтельства подкрѣпляютъ существованіе этихъ крытыхъ корридоровъ въ крѣпости и около, можетъ быть на нѣкоторое разстояніе, какъ всегда бывало, для *слуховъ*, для выхода или для сохраненія продовольствія, запасовъ военныхъ и т. п. Но не доказано ничѣмъ, чтобъ они могли проходить подъ Волховомъ или тянуться на многіе десятки верстъ. По словамъ здѣшняго 70-лѣтняго старожила, онъ въ дѣтствѣ входилъ съ своимъ отцемъ въ отверстіе, замѣтное еще и теперь въ югозападной башнѣ; при свѣтѣ фонаря они проникли въ корридоръ, вышиною въ ростъ человѣка, вдоль южной стѣны, но вскорѣ были остановлены желѣзною дверью. Изъ башни юговосточной, на самомъ берегу, въ то-же время спускались съ зажженною лучиною въ тянувшійся вдоль волховскаго берега корридоръ; существованіе этого подземнаго хода впоследствии подтвердилось; онъ обрушился и былъ заваленъ, при устроеніи на берегу известковой печи, крестьяниномъ Михѣемъ Уткинымъ.

Вотъ все, что можно было собрать, какъ личнымъ обзрѣніемъ, такъ и отъ занимавшихся сими разысканіями, о староладожской георгіевской крѣпости.

Обратимся къ сохранившимся въ ней церквамъ. Одна изъ нихъ деревянная, низменная, едва выказываетъ, надъ зазубренными вліяніемъ семи вѣковъ верхами стѣлъ, чешуйчатую деревянную

главку свою, рисуя ее на обновленной каменной главѣ другой, нѣсколько большей церкви, во имя Георгія Побѣдоносца.

Любопытные остатки стародавнихъ фрескъ этой церкви побудили меня осмотрѣть всѣ другія церкви древней области новгородской, въ коихъ сохранились хоть нѣкоторые слѣды почтеннаго церковнаго писанія нашихъ предковъ. Предметъ этотъ теперь въ ходу, онъ привлекаетъ вниманіе не однихъ любителей и художниковъ; попытки воссозданія или подражанія древнему стилю стѣннаго церковнаго и иконнаго писанія, вытѣсняя изъ храмовъ нашихъ стиль искусства чисто-итальянскаго, или измѣняя его, — множатся со дня на день. Но того ли ищутъ въ погоню, чему хотять подражать; такъ ли берутся за дѣло, и этимъ путемъ могутъ ли достигъ желаемаго? Да и чего именно желаютъ? То, что нравится въ тогдашнихъ произведеніяхъ, можетъ ли быть сохранено въ нынѣшнихъ? . . . Можетъ ли нравиться? Это — вопросы.

Мы видѣли, что внутренность крѣпости очень тѣсна; мѣсто это было изстари извѣстно подъ наименованіемъ *застѣннаго* георгіевскаго монастыря, что служить вѣрнѣйшимъ доказательствомъ, что въ Ладогѣ, нѣкогда столь богатой монастырями, находилась обитель *въ стѣнахъ* этой крѣпости. Но кѣмъ, когда она была учреждена и когда именно запустѣла, — не отыскано никакого свѣдѣнія. Церковь застѣнная могла быть сооружена, и вмѣстѣ съ крѣпостью, посадникомъ Павломъ, что подтверждается малостію ея размѣровъ, характеромъ построенія и способомъ кладки. Можетъ быть, монастырь былъ не только основанъ, но и покинутъ еще до разгромовъ шведскихъ; — можетъ быть, напротивъ того, что Дела-Гарди вытѣснилъ отсюда иноковъ, какъ изъ другихъ обителей, имъ уничтоженныхъ; подземные ходы, о которыхъ упомянуто, проложены не руками ли отшельниковъ, въ опасной странѣ, въ опасное время избравшихъ, можетъ быть,

еще гораздо прежде оставленную твердыню эту, за стѣнами которой они находились въ большой охранѣ и имѣли готовый храмъ, а въ башняхъ кельи?

Все это такъ-же не вѣрно, какъ и преданіе, повѣствующее о дворцѣ Рюрика въ Ладогѣ и о капищѣ на томъ будто бы самомъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи соорудилась эта находящаяся въ крѣпости каменная церковь св. великомученика Георгія. Свѣдѣніе положительное встрѣчается не ранѣе времени царя Михаила Ѳеодоровича, при которомъ (2 ноября 1618 г.) церковь сія была освящена вновь, во дни архіепископа Исидора новгородскаго, при игуменѣ медвѣдскаго монастыря¹.

Черезъ десять лѣтъ, при описи Ладоги (въ 1628 г.), въ монастырѣ георгіевскомъ была лишь одна эта церковь и при ней одинъ іеромонахъ съ причтомъ; когда же построена другая, деревянная, во имя св. Дмитрія селунскаго, неизвѣстно положительно. По штатамъ 1764 г. монастырь этотъ (который и тогда былъ уже упраздненнымъ), обращенъ въ волостную приходскую церковь Староладожскаго посада.

Въ четырехугольной площади крѣпостнаго двора, засѣянной поросшими травой кочками, могилами, почти на двухъ-третяхъ ея длины, ближе къ южной сторонѣ стоитъ ветхая деревянная церковь св. Дмитрія селунскаго, а за нѣсколько сажень далѣе каменная св. великомученика Георгія. Длина ея, безъ паперги, около 6-ти саж., ширина — до 4-хъ, высота подъ крышу — до

¹ Что нынѣ соборная церковь св. Николая чудотворца въ Новой-Ладогѣ. Въ немъ были иноки еще въ 1704 году; при учрежденіи здѣсь, императоромъ Петромъ I-мъ, гор. новой-Ладоги и переведеніи въ него жителей изъ старой, братство было переведено въ упраздненный въ послѣдствіи монастырь Ивановскій, на превосходномъ, высокомъ мѣстѣ на берегу Волхова, въ чертѣ старой Ладоги.

2-хъ, а съ куполомъ и главкою до креста — до 9 сажень. Она строена по общему плану нашихъ древнихъ церквей, изъ плиты, булыжнаго камня и кирпича; четыре столба, раздѣляя ее на три пролета, поддерживаютъ не очень крутые своды на всѣ стороны и по серединѣ не высокій пролетный куполь съ четырьмя окнами. Постройка представляется особенно легкою: отъ первыхъ столбовъ переброшены къ стѣнамъ низкія арки, что способствовало устроить въ среднемъ пролетѣ хоры, а въ боковыхъ, на той-же вышинѣ, два отдѣла для придѣловъ или ризницъ. Паперть, съ малыми уступами противъ церковной стѣны; она ниже церкви и покрыта въ одинъ скатъ въ позднѣйшее время; въ толщѣ, прилегающей къ западной стѣнѣ церкви, находится узкая лѣстница, которая могла вести на хоры и на колокольню, можетъ быть находившуюся надъ папертью.

При Гавріилѣ, митрополитѣ новгородскомъ (около 1780 г.), околачивали внутри церкви верхнюю подмазку стѣнъ и подъ нею открыли вторую, росписанную красками, сохранившими свои колера; по отбитіи мѣстами частей этой второй штукатурки, показалась третья, весьма тонкая, на которой, въ алтарѣ, нашлись углубленныя (врѣзанныя или вцарапанныя) надгробныя надписи безъ годовъ, по почерку и правописанію относимыя къ XII или XIII вѣку¹.

¹ Вотъ надписи эти: «Ги (Господи) помози рабоу своіему панкратоу деяку святаго Сергія». — «мца гнвря въ осмый днь преставися софія Дроциловая». «мца авгоуста днь преставися ра Божі Петро Доможировицъ* на стаго Елеѳерія въ днь» — «мца октябрю въ осмы днь преставися рабо Бжі Гюрго Нисцков.ци». Состав-

* Въ 1735 г. были прислана въ Кирилловъ монастырь выписи о валаамскомъ монастырѣ, строителемъ Широнымъ, взятая изъ описи острова Валаама, составленной въ 1765 г. коксгольмскаго батальона капитаномъ В. Доможировымъ, безъ сомнѣнія потомкомъ этого Петра Доможировца.

Въ недавнее время весьма похвальное, но не осторожное желаніе благообразнѣйшаго устройства этой церкви едва не сдѣлалось причиною совершенной утраты послѣднихъ слѣдовъ любопытныхъ ея фресковъ. Что можно было спасти, — спасено, и по остаткамъ этимъ, находящимся въ разныхъ мѣстахъ, на различной вышинѣ стѣнъ, арокъ и въ куполѣ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что церковь была расписана вся.

По описаніи сохранившихся по-нынѣ остатковъ древней по-стѣнной живописи, мы приведемъ заключенія, къ которымъ необходимо должно было повести близкое изученіе этого предмета; здѣсь же скажемъ лишь вообще, что вездѣ всѣ фрески эти не смываются, колера только свѣжѣютъ нѣсколько подъ минутнымъ вліяніемъ сырости¹; что цвѣта, потерявшіе свою яркость, но сохранившіе колера, пріобрѣли отъ времени плутуманность, которая придаетъ изображеніямъ сямъ (будто бы покрытымъ прозрачнымъ флеромъ) совершенно особенный и самый приличествующій имъ характеръ; что раскраска обличаетъ большую опытность, совершенно разнствуетъ отъ пріемовъ живописи и иконописи (почему и не можетъ быть возстановляема ни живописцами, ни

витель «Исторіироссійск. іерархіи» говоритъ, что буква В.Е. Ж. И. К. М. были найдены сходными съ почеркомъ тмутараканскаго камня; буква іе, связанная доегласная, встрѣчается въ древнѣйшихъ нашихъ книгахъ; — безгласная ѣ, по древнему новгородскому выговору, замѣняетъ гласную г; а русскія имена Доможиръ, Ницско, Дроцило уже не встрѣчаются въ лѣтописяхъ послѣ XIII вѣка; имя Гюрги, вмѣсто Юрій или Георгій, также принадлежитъ къ весьма древнему правописанію. Изъ чего выводится, что надписи эти могутъ относиться къ XII или XIII вѣку.

¹ Почти нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что можно бы было найти химическій составъ для оживленія этихъ красокъ, что было бы гораздо лучше производимыхъ неопытными реставраторами возобновленій.

иконовисцами, не изучившими этой древней манеры), но счень близка, по манерѣ, смѣшенію и употребленію красокъ, съ произведеніями нынѣшней хорошей стѣпной живописи; — что по контурамъ, стилю, престоѣ сочиненія, строгости и нѣкоторымъ неправильностямъ очерка флгуръ, такъ сказать, условно принятымъ (каковы напр. малость головъ, сухость тѣла, длина и узкость кистей, ступней), потому что онѣ встрѣчаются вездѣ, при явномъ впрочемъ знаніи и бойкости рисунка, это постѣнное писаніе составляло очевидно *школу*, совершенно особенную, создавшуюся на обдуманномъ основаніи идеи искусства чисто не свѣтскаго, а церковнаго, руководствовавшагося образцами греческаго строгаго стиля, создавашагося съ тою-же моделью и цѣлью — именно *для церквей*, и имѣвшаго навѣвшихъ, ловкихъ и опытныхъ исполнителей, учителей, а также и весьма плохихъ подражателей.

Въ церкви Георгіевской прежде всего представляется уцѣлѣвшая мѣстами часть пояса, надъ входною (западною) дверью, отъ нея къ южной стѣнѣ; конечно, онъ простирался и на другую сторону до сѣверной. Надъ самою дверью, безъ всякаго сомнѣнія, былъ изображенъ Спаситель, сохранились близъ него лики Божіей Матери и шести апостоловъ (другіе шесть были по другую сторону), сѣдящихъ на двенадцати отдѣльныхъ престолахъ, чтобъ судить двѣнадцать колѣнъ израилевыхъ. За престолами судей предстоятъ лики вооруженныхъ ангеловъ, какъ-бы готовыхъ исполнить приговоръ. Лица и положенія духовно-строги, въ выраженіи и контурахъ нѣтъ драматизма, въ освѣщеніи нѣтъ исканія эффекта, въ драпировкѣ нѣтъ плотской граціи, она суха, но не неестественна и не безъ вкуса; складки вѣрны и не изчерчены безъ разума напутанными полосами. По южной стѣнѣ идутъ (обращенныя лицомъ къ судьямъ), подсудимыя, толпы женъ, на неумытый судъ, робко и съ попишими головами. Очевидно, что

съ сѣверной стороны шли точно такъ-же толпы мужей; но тамъ не осталось никакого слѣда.

На низкихъ аркахъ, о которыхъ упомянуто, сохранились въ кругахъ (бока коихъ постерты), на правой — колоссальный, превосходный ликъ мученицы съ небольшимъ осьмиконечнымъ крестомъ въ лѣвой рукѣ; на лѣвой аркѣ — ликъ св. чудотворца Николая. Это типъ лица святителя, усвоенный (хотя и испорченный) нашею иконописью; чело его открыто и возвышенно, волосы и борода очень коротки, въ положеніи головы священная важность, строгость чертъ и взгляда умѣряется выраженіемъ особенной доброты. По южной стѣнѣ движется къ иконостасу сонмъ святыхъ и блаженныхъ, провождаемый къ святой святыхъ ликомъ ангеловъ; уцѣлѣвшія части этой группы отличаются тѣми-же достоинствами. Вотъ всѣ остатки фресковъ въ самой церкви, кромѣ купола.

Алтарь гораздо богаче этими замѣчательными образцами древняго стѣннаго писанія. Въ полукуполѣ жертвенника, занимая собою вполне небольшой нишъ, является полное изображеніе архангела съ распростертыми крылами. Какъ-бы преклонившись къ жертвеннику, небесный стражъ зорко охраняетъ святыню; точно такое-же изображеніе и въ полукуполѣ діаконика. Колоссальныя головы Саваоа, Спасителя, архангеловъ не рѣдко изображались въ древнѣйшихъ нашихъ церквахъ, занимая собою весь верхъ (все дно) купола.

Впадина діаконика вся занята весьма легко писаннымъ на ней изображеніемъ св. Георгія Побѣдоносца. Оно замѣчательно не по исполненію лишь, но по простотѣ и глубокому духовному разуму композиціи. Святой великомученикъ изображенъ почти въ профиль съ-лѣва на-право, на бѣломъ чешуйчатомъ конѣ съ красноватыми гривой и хвостомъ, который посрединѣ затянутъ

въ узелъ. Въ формахъ тѣла Георгія нѣтъ ничего атлетическаго, въ движеніи — ни малѣйшаго усилія; художникъ разумѣлъ, что тутъ не для чего было выказывать свое знаніе анатоміи костей и мускуловъ, и писать такъ называемую академію. Святый побѣждалъ не искусствомъ, не усиліями или ловкостью гладіаторскою, но вѣрою, не своею силою, но силою Божіею; а потому тѣло его наклонено лишь столько, сколько было необходимо, чтобъ коснуться чудовища концомъ копья; въ юномъ лицѣ спокойствіе безстрастія и смиренія; въ свѣтлыхъ очахъ несомнѣнность упованія. Конь, какъ-бы создавая святость сѣдока, тоже ступаетъ нетревожно: сила его не обуревается двумя противоположно дѣйствующими на него силами — ужасомъ и понужденіемъ. Побѣдоносецъ только приложилъ копье къ чудовищу — и, покорное какъ ягненокъ, оно влечется послушно въ петлѣ, накинутаго на его шею изъ убруса, другой конецъ котораго держитъ безъ боязни и усилія, потупя взоръ, та самая дѣвица, которая обречена была въ снѣдь чудовищу; воля Божія, за вѣру, которой все возможно, «измѣнила чинъ естества». Со стѣнъ городскихъ глядятъ съ изумленіемъ царственныя и другія лица.

Въ жертвенникѣ видны еще остатки пояса, на которомъ изображены, въ ростъ небольшого размѣра, св. Іоакимъ и Анна.

На горнемъ мѣстѣ въ срединѣ окно, можетъ быть, пробитое въ позднѣйшее время; вровень съ нимъ обращены къ нему святители, по два съ каждой стороны, въ бѣлыхъ крестовыхъ ризахъ, подъ ними, на отдѣльномъ антаблементѣ въ кругахъ, обрамленныхъ и связанныхъ между собой орнаментными завитками прекраснаго стиля, поясныя изображенія евангелистовъ безъ символическихъ животныхъ. Изъ-подъ верхнихъ одеждъ святителей, искусно написанныхъ, хотя безъ всякой изысканности, мѣстами видны части облаченія съ греческими маляновыми и кирпичны-

ми бордюрами, по золотымъ и свѣтлоблочнымъ грунтамъ. Головы (въ кругахъ) писаны все по золоту; славы или сіянія обозначены двойною полоскою, палевою и малиновою.

Въ куполѣ церкви, значительно испорченномъ сыростью, сколько можно было видѣть снизу, между досокъ, которыми онъ тогда былъ засланъ, стоятъ между оконъ патріархи или пророки, а самый сводъ надъ ними поддерживаютъ ангелы.

Въ соборной церкви, находящейся возлѣ дѣвичьяго успенскаго монастыря¹, который безъ сомнѣнія былъ тоже весь росписанъ, сохранилось только одно поясное изображеніе, довольно высоко надъ правымъ клиросомъ, на столпѣ. По обнаженному въ рукѣ мечу и по одеждѣ можно предполагать, что это ликъ Іоанна Воина или Θεодора Стратилата. Въ чрезвычайно ясныхъ очахъ, устремленныхъ на иконостасъ, удивительное спокойствіе и твердость вѣры, разлитой и по всемъ чертамъ молодаго лица; густые волосы едва доходятъ до плечей.

Эти прекрасные образцы древняго иконописанія нашего такъ порадовали меня чрезвычайнымъ разумомъ исполненія и превосходнымъ, совершенно приличнымъ назначенію характеромъ и замысломъ, въ общемъ и въ частностяхъ, что я рѣшился видѣть непременно все остатки фресковъ въ церквахъ и монастыряхъ петербургской и новгородской епархій.

Надлежало обратиться прежде всего къ церкви гостинопольской, какъ ближайшей, по превосходномъ возобновленіи древнихъ фресковъ которой, въ недавнее время, отзывались въ странѣ съ

¹ Въ построеніи его, перешедшемъ черезъ многія передѣлки, внутреннія и наружныя, проявляются признаки кладки весьма отдаленнаго времени. Актальное возсозданіе этой обители извѣстно съ 1622 года, но основаніе ея, по многимъ догадкамъ, можетъ относиться къ XIII вѣку.

особенною похвалою. Николаевская гостиннопольская церковь¹ находится на правомъ берегу Волхвы, верстою выше ладожскихъ пороговъ и верстою ниже селенія нынѣшней гостиннопольской пристани, въ 35-ти верстахъ отъ Новой-Ладogi, которая лежитъ, какъ уже сказано, въ 13-ти верстахъ отъ Старой.

Гостиннопольская николаевская церковь построена по плану, общему всѣмъ нашимъ церквамъ того времени (ее можно отнести къ концу XIII или началу XIV вѣка), но въ размѣрахъ весьма малыхъ; столбы, пролеты между ними и переброшенные черезъ нихъ арки утонены и сжаты. Стѣны кладены изъ плиты съ перемежкою мѣстами кирпича необыкновенно прочнаго, огромной величины (вершковъ до 10), какой встрѣчается во многихъ строеніяхъ XIII — XVI вѣковъ. Въ церковь вело внутреннее крыльцо (низы были заняты монастырскими кладовыми), въ связи съ такою-же колокольнею; оно разобрано при построе-

¹ Если-бъ нужны были доказательства особеннаго чествованія народомъ святителя чудотворца Николая на сѣверѣ нашего отечества, то нельзя бы было оставить безъ вниманія, что здѣсь, на пространствѣ отъ Новагорода до Новой-Ладogi, было воздвигнуто во имя сего великаго угодника Божія три монастыря и до десяти церквей. И здѣсь былъ некогда монастырь, именовавшійся «монастыремъ св. Николы на гостинномъ полѣ» (или просто: «монастыремъ-на-полѣ»), надъ ладожскими порогами; древнѣйшее изъ свидѣтельствъ его существованія есть колоколъ въ 18 п., литый 6983 (1475 г.), и грамота в. к. Іоанна Васильевича 1499 года. Онъ былъ довольно богатъ, имѣлъ земли, угодья, льготы и преимущества; по писцовымъ книгамъ 1495—98 г. за нимъ считалось до девяти деревень и многія пустоши, но вмѣстѣ съ многочисленными церквами и монастырями новгородской области и этотъ монастырь былъ разоренъ и сожженъ шведами во время междоусобицы; при учрежденіи штатовъ онъ упраздненъ и обращенъ въ приходскую церковь.

ніи нынѣшней паперти (въ 1833 г.), съ которою церковь соединена посредствомъ пробитія глухой стѣны и сведенія ее аркою. При этомъ возобновленіи и увеличеніи храма, съ наружной его стороны (къ Волхову), онъ не сохранилъ ничего изъ древняго свсего очертанія. Перемены эти, съ построеніемъ колокольни, окончены въ 1844 г., а въ 1852 г. внутреннее крыльцо замѣнено двумя, съ обѣихъ сторонъ паперти. Наружныя архитектурныя окна-бойницы увеличены и расширены. Теперь церковь эта очень чиста, благовидна снаружи и внутри; но древняго въ ней весьма мало, не исключая и фресковъ, возобновленныхъ по манерѣ новей стѣнной иконописи, которую у насъ называли византійскою.

Моя цѣль состояла въ обзорѣніи остатковъ древняго «*написанія*» церковей бывшей новгородской области; я и исполнилъ свое дѣло, сколько было возможно. Этотъ отрывокъ, изъ моего довольно большаго труда, думаю, не лишенъ нѣкоторой занимательности и пользы для всякаго русскаго.

Лѣтомъ изъ Петербурга ежедневно отправляется пароходъ до Шлюссельбурга, тутъ пассажиры (а ихъ всегда много, потому что это путь сильно-промышленный и торговый) переходятъ на трешкоты, которые тянутъ ихъ (бичевою) до Ладоги. Спросите, многіе ли изъ пассажировъ этихъ знаютъ: сколько важнаго совершилось, — сколько замѣчательныхъ воспоминаній, сколько доразрушающихся остатковъ еще уцѣлѣло на этомъ 24-часовомъ переѣздѣ ихъ, подъ самою столицей, исторія основанія которой такъ тѣсно связана съ исторіею этихъ мѣстъ и сохранившихся въ нихъ урочищъ и памятниковъ? Думаю, не многіе.

Знаніе — всегда хорошо, незнаніе — всегда дурно; но *незнаніе своего*.... просто уже постыдно!

А. Б.

КОСТРОМСКІЯ ПИСЬМА*.

Не очень давно мы узнали, что и наша костромская епархія, какъ и другія, находитъ возможнымъ увеличить матеріальныя средства своей семинаріи по образцу смоленской¹. Нельзя не порадоваться этому и вмѣстѣ не признаться, что костромская семинарія, дѣйствительно, давно нуждается въ матеріальномъ пособіи; со времени здѣланныхъ пожаровъ, ни она сама, ни наставники ея, ни воспитанники не имѣютъ порядочныхъ и приличныхъ квартиръ, да и средства къ жизни здѣсь вообще едва-ли не дороже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Давно и костромское духовенство сознавало ея нужды и дѣлало попытки если не уве-

* Письма эти писаны назадъ тому три мѣсяца; съ того времени положеніе дѣлъ во многомъ измѣнилось. *Редакти.*

¹ Окончательное рѣшеніе вопроса послѣдовало въ собраніи духовенства въ четвертокъ на масляницѣ. Мы не сообщаемъ подробностей этого дѣла частію потому, что оно шло тѣмъ-же порядкомъ, какъ и въ другихъ епархіяхъ, и не имѣло рѣзкихъ мѣстныхъ особенностей, а съ другой стороны и потому, что желалось бы увидѣть въ печати подробное распредѣленіе ассигнованной на семинарію и училища суммы, сдѣланное тѣми, которые ближе относятся къ дѣлу. Сообщаемъ только главное. Вмѣсто 29 тыс., на которыя доселѣ содержались здѣшняя семинарія и пять училищъ, теперь предположено къ собранію до 44 тыс. въ годъ, а ассигновано на

личить матеріальныя средства содержанія семинаріи, то по-крайней-мѣрѣ приобрѣсть для ней приличное помѣщеніе. Но за то и другое дѣло особенно дѣятельно оно принялось теперь¹. Можно надѣяться, что оба эти дѣла, когда устроятся, то составятъ для семинаріи эпоху, съ которой начнетъ ея лучшее будущее: въ первомъ изъ нихъ мы видимъ опытъ приложенія къ дѣлу проекта объ улучшеніи матеріальнаго быта семинарій вообще, во второмъ надѣмся видѣть опытъ образцоваго устройства помѣщенія семинарій примѣнительно къ новымъ нуждамъ ихъ и сообразно съ условіями лучшаго воспитанія, если позволятъ это средства. Но мы говоримъ пока о первомъ дѣлѣ. И вотъ наше мнѣніе: когда нѣтъ другихъ средствъ къ улучшенію быта семинарій, то онѣ должны воспользоваться тѣми, какія представляются теперь на-лицо. Когда средства эти непрочны (какъ утверждаютъ многіе), то нужно принять мѣры къ упроченію ихъ. При этомъ, чѣмъ дружнѣе дѣятели, тѣмъ спорѣе работа. Хорошее начало половина дѣла, а дальше само дѣло будетъ учить,

ихъ нужды 42 тысячи. Распредѣленіе суммы въ семинаріи слѣдующее: жалованье наставникамъ по 600 р. сер. каждому, ректору 700 р., инспектору 350 р., помощникамъ инспектора по 120 р., секретарю 250 р., на бібліотеку 500 р. въ годъ, бібліотекарю 250 р., на больницу семинарскимъ начальствомъ предположено 1,500 р., но духовенство сократило эту цифру до 900 р. въ пользу чиновниковъ консисторіи, на ремонтъ зданій было предположено 3,000 р., ассигновано 2,400 р., на содержаніе казеннокоштныхъ воспитанниковъ отъ 35 до 50 р. сер.

¹ Костромское духовенство еще прежде назначило къ собранію 32 тыс. для устройства новаго помѣщенія семинаріи. Теперь дѣло идетъ о покупкѣ для сей цѣли дома въ самомъ городѣ, на берегу Волги, рядомъ съ зданіями григоровскаго института.

какъ его дѣлать. Частію эти мысли, а частію цѣлый рой толковъ, поднявшихся по поводу улучшенія быта семинаріи, даютъ поводъ и намъ сказать нѣсколько словъ¹.

Всѣ соглашались, что матеріальная часть семинарій, а въ слѣдствіе этого и учебная и нравственная, бѣдны, но никто не думалъ помочь, никто не предполагалъ, что эти средства найдутся сами собою при живомъ сочувствіи самого духовенства родному заведенію, и только разбирая то ту, то другую ея часть, наперерывъ пророчили о близкой ея кончинѣ. Одни говорили, что семинарія не можетъ существовать, другіе — что она не должна существовать, одни подробно (даже слишкомъ) описывали ея мнимое разложеніе и рыли могилу, другіе говорили о ея сліяніи съ гимназіями, иные о ея перерожденіи изъ большаго въ меньшее, почти изъ слона въ муху, каждый строилъ и перестраивалъ въ своей головѣ семинарію на свой ладъ и манеръ. Самые истые ревнители семинарій съ грустію смотрѣли и ждали съ замѣраніемъ сердца «что-то будетъ!», даже тѣ, которые лично заинтересованы въ судьбѣ семинарій, отчаявались въ существованіи ея въ лучшемъ видѣ и заранѣе присматривали мѣстечка, куда бы они, въ случаѣ нужды, могли укрыться, и даже какъ извѣстно, совсѣмъ уходили съ семинарской службы. Тѣ и другіе правы. Когда не видится причинъ, нечего ждать и слѣдствій, когда нѣтъ средствъ къ существованію, нельзя и жить, когда всѣ и не безъ основанія говорятъ «нѣтъ», трудно кричать «да», трудно повѣрить тому, чему никто не вѣритъ.

А между тѣмъ строй семинаріи, довольно уже ослабѣвшій и самъ по себѣ въ-слѣдствіе скудости средствъ, еще болѣе осла-

¹ Не опуская изъ виду толковъ объ этомъ въ нашихъ журналахъ, мы выставимъ главнымъ образомъ мѣстные толки.

бѣлъ отъ невѣрія въ ея лучшее будущее и отъ ожиданія ея близкаго конца.

«Трудно противъ рожна переть» было общимъ оправданіемъ недѣятельности въ семинаріяхъ, которое приводили даже умные и дѣятельные люди. Много и другихъ, по видимому, менѣе благородныхъ мыслей, но очень естественныхъ, ходило въ кружкахъ, примыкавшихъ къ семинаріи.

Но кому неизвѣстно это бѣдственное положеніе семинаріи какъ въ матеріальномъ, такъ вслѣдствіе этого и въ другихъ отношеніяхъ! Уже самыя мѣры, такъ дѣятельно принимаемыя теперь самимъ духовенствомъ къ улучшенію ея, показываютъ, что такое положеніе ея глубоко сознано всѣми и не требуетъ подробнаго описанія. Но при общемъ невѣріи въ долговременное существованіе семинарій, какъ отдѣльныхъ заведеній съ спеціальною цѣлію, невѣріи, распространенномъ почти во всѣхъ кружкахъ нашего общества и поддерживаемомъ литературой, вѣсть о содержаніи ея епархіальными средствами показалась такъ нова и оригинальна, что въ разныхъ кружкахъ произвела совершенно противоположныя чувства и толки.

Понятно, кто первый долженъ встрѣтить эту вѣсть съ радостію; многіе съ удовольствіемъ смотрятъ на свѣтлое будущее и заранѣе помирились со своимъ теперешнимъ бытомъ. Другіе, полныя невѣрія въ будущее существованіе семинаріи, а можетъ быть и недоброжелательства къ ней, высказываютъ мнѣнія вовсе для ней невыгодныя и необѣщающія ей ничего добраго въ будущемъ. Но мы выскажемъ прежде свое мнѣніе.

Мѣра эта къ поддержанію семинарій епархіальными средствами уже важна и потому, что другихъ не предвидится и что въ настоящее время она можетъ лучше всѣхъ другихъ удовлетворить нуждамъ семинарій. Она какъ нельзя болѣе сообразна съ

цѣлю семинарскаго воспитанія, какъ нельзя лучше ссообразна съ идеею того начала, которое проводится теперь въ жизнь по сѣмъ почти частямъ государственнаго управленія, — какъ нельзя ближе подходитъ къ семинаріи, и болѣе другихъ общаетъ для лучшаго устройства семинарій. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ того, что служащіе алтарю отъ алтаря должны получать и питаніе, что цѣль достойна жертвы, что приходамъ, желающимъ имѣть хорошихъ священниковъ, а отцамъ добрыхъ дѣтей, приличнѣе всего позаботиться о ихъ воспитаніи и дать для этого свои средства, — кромѣ всего этого, нельзя не видѣть въ этомъ дѣлѣ чрезвычайно важнаго обстоятельства, имѣющаго двѣ свѣтлыя стороны, обстоятельства, котораго нельзя не пожелать отъ души и семинаріямъ и приходамъ. Мы говоримъ во *взаимной связи* семинарій и приходовъ, которые отъ нея взаимно выигрываютъ, связи, задатка которой нельзя не видѣть въ предпринятомъ дѣлѣ.

Доселѣ, какъ извѣстно, отцы, сколько бы у нихъ ни училось дѣтей въ семинаріи и чему бы они тамъ ни учились, совершенно не знали хода дѣла въ самой семинаріи; отвѣтственность въ воспитаніи ихъ дѣтей брало на себя правительство; ихъ личная забота о дѣтяхъ въ этомъ отношеніи не имѣла ни мѣста, ни пользы. На какія бы деньги ни содержалась семинарія, сколько бы ни ассигновано было на нее правительствомъ, на чтобы ни распредѣлилась сумма, епархіальному духовенству не было дѣла, да оно и оставалось доселѣ въ глубокомъ невѣдѣніи объ этихъ предметахъ. Съ другой стороны, какъ бы ни шло дѣло образованія въ семинаріи, оно не могло указать на его недостатки, потому что исправленіе семинаріи и улучшеніе разныхъ ея частей совершенно отъ него не зависѣло. Вотъ почему у отцевъ духовныхъ воспитанниковъ существовалъ до сихъ поръ почти только практическій взглядъ на воспитаніе въ семинаріяхъ, какъ только

на средство, доставляющее духовнымъ дѣтямъ извѣстныя духовныя должности. Вотъ почему между прочимъ не они первые открыли недостатки въ семинарскомъ образованіи.

Замѣтили эти недостатки посторонніе, раскрыла ихъ литературная гласность. Но и они, вслѣдствіе неизвѣстности семинарій большинству, не зная истинныхъ причинъ дурнаго хода дѣла въ семинаріяхъ, по большей части искали ихъ не тамъ, гдѣ слѣдовало — напримѣръ, въ составѣ ея наукъ, будто бы отставшихъ въ настоящее время и безсильныхъ однихъ воодушевить, другихъ заинтересовать, — искали ихъ то въ нравственномъ разложеніи всего духовнаго сословія, то съ недостаточности образованія, честности и дѣятельности наставниковъ, то во вліяніи на учебныя заведенія монашества. Такъ невыгодно довѣрять свое дѣло чужому глазу! Но это разобщеніе отцовъ и воспитанниковъ съ семинаріею еще болѣе было невыгодно и для нихъ самихъ и для воспитателей и, само собою, для воспитанниковъ и вслѣдствіе этого для приходовъ. Приходы не имѣли никакого участія въ дѣлѣ семинаріи, никакого нравственнаго вліянія на нее и даже почти никакихъ желаній относительно хода ея образованія, вообще не имѣли къ ней никакого непосредственнаго отношенія. А семинарія, получая содержаніе отъ правительства, не имѣла нужды слѣдить ни за общественнымъ о ней мнѣніемъ, ни за потребностями епархіальнаго духовенства; она, какъ чиновникъ, знала только свой уставъ, отдавая отчетъ ревизорамъ и потому — то особенно въ послѣднее время исполняла почти только одну формальную сторону дѣла. Тѣмъ болѣе она не имѣла побужденій къ разнымъ улучшеніямъ и правильному прогрессу въ ходѣ образованія. Съ другой стороны, она лишена была возможности пользоваться знаніемъ епархіальной жизни и примѣненіемъ къ ней хода наукъ и вообще всего своего устройства. Отцамъ не было возможности, ни нуж-

ды заявлять, какія свѣдѣнія особенно важны для священника, по теперешнему состоянію приходовъ, общества и мѣстности, для того, чтобы дать отвѣтъ всякому вопрошающему, — какіе они особенно часто встрѣчали важные случаи, къ которымъ не были подготовлены семинарскимъ воспитаніемъ. Это заявленіе необходимо, потому что семинарія, разъединенная съ епархіальною жизнью, сколько бы она ни была хороша, не можетъ предусмотрѣть всѣхъ нравственныхъ нуждъ приходскихъ въ каждой епархіи, особенно теперь, когда общественная жизнь быстро измѣняется во внѣшнемъ и во внутреннемъ своемъ строѣ. Легко можетъ быть, что у прихожанъ скоро появятся новыя нужды и потребности нравственныя и религіозныя, на которыя она должна будетъ обратить вниманіе. Да и въ каждой епархіи есть свои мѣстныя потребности и нужды, какъ и свои особыя условія жизни, къ которымъ семинарія должна примѣняться въ ходѣ образованія. А какъ она узнаетъ ихъ, какъ удовлетворить имъ, находясь въ совершенномъ разобщеніи съ епархіальнымъ духовенствомъ и приходами? Семинарія, удаляя отъ себя всякое вліяніе дѣйствующаго въ приходахъ духовенства на умственный и научный ходъ образованія, лишается поддержки въ опытности священниковъ и не можетъ правильно и метко вести воспитанниковъ къ предназначенной цѣли, лишается возможности повѣрять свои успѣхи самою жизнью и быть особенно полезною для своей епархіи. Намъ кажется, что даже въ нравственной части она должна примѣняться къ нравственному состоянію епархіальнаго духовенства, которое гсраздо извѣстнѣе будетъ ей при близкихъ сношеніяхъ съ благочинными и прочимъ духовенствомъ. И всему этому даетъ возможность осуществиться предпринятая мѣра содержанія семинарій епархіальными средствами.

Какіе же предметы въ семинаріи могутъ быть предметами вниманія епархіальнаго духовенства, въ чемъ можетъ выразиться ихъ участіе въ дѣлѣ семинарій и какіе пути можно предвидѣть теперь его вліянія на семинарію? Первый предметъ вниманія епархіальнаго духовенства въ семинаріи это семинарская экономія, которая при предполагаемомъ способѣ содержанія необходимо должна подчиняться вліянію епархіальнаго духовенства; участіе его въ ней является само собою. Какъ теперь дѣло содержанія семинаріи выходитъ изъ рукъ епархіальнаго духовенства, такъ и при расходованіи суммъ оно должно быть подъ руками его-же. Датчикъ имѣетъ право слѣдить за расходами даннаго. Говоря это, мы не думаемъ впрочемъ, что экономія семинаріи исключительно должна быть въ рукахъ епархіальнаго духовенства, но что и оно должно имѣть въ ней участіе и вліяніе на нее; наша рѣчь о томъ, что не только расходы семинаріи должны быть извѣстны духовенству въ подробности, но что со стороны духовенства должны быть выбраны лица въ качествѣ депутатовъ-экономовъ по расходованію епархіальной суммы на семинарію, которые должны быть членами семинарскаго правленія по экономической части¹. Нужно также, чтобы семинарія печатала ежегодно отчетъ въ израсходованіи епархіальной суммы на свои нужды для свѣдѣнія епархіальнаго духовенства. При этомъ только епархіальное духовенство можетъ быть увѣрено, что сумма распределяется на дѣйствительныя потребности семинаріи и что она идетъ правильно и неуклонно по своему назначенію. При этомъ только оно можетъ быть увѣрено, что если будутъ остатки отъ экономіи, то они не утратятся даромъ и безъ нужды, а будутъ

¹ О другихъ правахъ и обязанностяхъ ихъ, какъ членовъ епархіальныхъ комитетовъ объ улучшеніи быта семинаріи, скажемъ послѣ.

надлежащимъ образомъ назначены или на другія нужды семинаріи, на которыя не ассигновано особой суммы, или, оставаясь въ резервѣ, составляютъ поддержку и приращеніе основнаго капитала. Въ такомъ именно духѣ и дѣйствуютъ уже нѣкоторыя епархіи, нашедшія возможнымъ содержать учебныя заведенія епархіальными средствами. Такъ, въ смоленской епархіи утверждено предположеніе допустить духовенство къ ближайшему участію въ заведываніи чрезъ своихъ депутатовъ духовно-училищною экономіею, само духовенство выбрало изъ среды себя четырехъ кандидатовъ-священниковъ въ эту должность, изъ которыхъ двое и утверждены преосвященнымъ. *Правила*, полученныя ими, допускаютъ ихъ «входить во всѣ подробности училищной экономіи». Въ астраханской епархіи такъ-же положено выбирать изъ благаго духовенства не менѣе двухъ лицъ для той-же цѣли и на тѣхъ-же правахъ, т. е. съ правомъ полного голоса въ правленіи семинаріи по экономической части. То-же мы видимъ и въ другихъ епархіяхъ.

Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ экономіи, епархіальное духовенство имѣетъ уже рѣшительное, прямое, официальное вліяніе на семинарію. Но намъ кажется, что здѣсь-то именно находится зерно вліянія мѣстнаго духовенства и на всѣ другія части семинаріи, на учебную и нравственную и вообще на весь складъ семинарской жизни. Отправляя дѣтей своихъ въ школу, стцы конечно имѣютъ цѣлю доставить своимъ дѣтямъ не только тѣ и другія права, но и дѣйствительное образованіе, требованія котораго отъ будущихъ священниковъ возрастаютъ со временемъ все болѣе и болѣе. Эту-же цѣль имѣло и правительство. Но опыты уже показали, какъ уставъ семинарій, не примѣняемый къ частнымъ нуждамъ каждой епархіи и общимъ требованіямъ настоящаго времени, далекъ былъ отъ жизни и слабъ

въ достиженіи своей цѣли, какъ, съ другой стороны, жизнь семинаріи и дѣйствія ея начальства, сложившіяся безъ вѣдома и участія епархіальнаго духовенства, шли часто помимо нуждъ и желаній родителей воспитанниковъ и помимо нуждъ самой епархіи. Мало того, что уставъ семинаріи долженъ быть выраженіемъ мысли начальства, онъ долженъ быть, сколько возможно, примѣненъ къ нуждамъ и требованіямъ мѣстности и времени. Здѣсь-то и имѣетъ доступъ вліяніе епархіальнаго духовенства на семинарію. Нѣтъ сомнѣнія, что ходъ образованія, кругъ и объемъ преподаванія предметовъ и самый складъ семинаріи должны быть извѣстны епархіальному духовенству; при предполагаемыхъ измѣненіяхъ въ учебной части, они особенно могутъ быть мало извѣстны ему, а семинаріи должны быть извѣстны его нужды и желанія въ этомъ отношеніи. Епархіальное духовенство могло бы съ пользою для семинаріи заявлять о томъ, какія познанія, по преимуществу, необходимы или полезны священникамъ при настоящемъ положеніи прихожанъ и отношеніи ихъ къ нимъ, на какія поэтому науки нужно обратить особенное вниманіе.

При такомъ заявленіи нуждъ и желаній епархіальнаго духовенства, можетъ быть, явится нужда въ преподаваніи такихъ предметовъ, которыхъ теперь нѣтъ въ семинаріи. Это можно сказать, напримѣръ, объ иконописаніи, пѣніи и проч. Точно такъ-же не мѣшаетъ выслушать голосъ духовенства о предполагаемомъ отмѣненіи и введеніи въ кругъ преподаваемыхъ въ семинаріи нѣкоторыхъ наукъ, о сокращеніи или разширеніи объема преподаванія другихъ наукъ и проч. Это вліяніе духовенства на учебную часть является само собою чрезъ участіе его только въ одной экономической части.

Духовенство можетъ заявлять свои нужды и желанія, или печатно или — въ формѣ общественнаго мнѣнія, или чрезъ

наставниковъ, чрезъ своихъ членовъ правленія по экономическ.й части, или чрезъ другія лица, извѣстныя своею образованностію. Участвуя непосредственно чрезъ довѣренныя лица въ экономіи семинаріи, оно можетъ чрезъ нихъ-же заявлять, на какую статью слѣдуетъ больше обратить вниманіе и какъ распорядиться съ остатками отъ экономіи. По крайней мѣрѣ эти остатки суммы могли бы идти прямо въ удовлетвореніе нуждъ и желаній мѣстнаго духовенства по семинаріи. Съ другой стороны, оно можетъ имѣть вліяніе и на неослабную дѣятельность въ семинаріи. Заявляя нужды, оно будетъ слѣдить за ходомъ образованія въ семинаріяхъ, а это одно будетъ уже важнымъ побужденіемъ для начальства улучшить учебную часть примѣнительно къ нуждамъ епархіальнаго духовенства, а для наставниковъ и воспитанниковъ побужденіемъ къ трудамъ и занятіямъ. Безъ всякаго оффиціальнаго и прямого участія, это вниманіе духовенства къ образованію и смотрѣніе за нимъ будетъ имѣть нравственное вліяніе на ходъ образованія. Кто знаетъ, можетъ быть наши публичныя экзамены возвратятъ свое потерянное значеніе или получатъ еще большее. Но есть возможность болѣе прямого вліянія на ходъ образованія и нравственности и складъ семинарской жизни, по новому пути, котораго прежде не было. Этотъ путь слѣдующій: замѣчая недостатки образованія, епархіальное духовенство можетъ усугублять средства для усиленія учебной или нравственной части. Такъ, можетъ предложить, сверхъ годоваго обыкновеннаго сбора ¹, особые деньги для пополненія и обогащенія библіотеки, можетъ предложить особую сумму для найма лишнихъ по штату наставниковъ для улучшенія преподаванія извѣстныхъ наукъ, можетъ дать воз-

¹ Откуда же возьметъ новыя средства духовенство, которое само бѣдствуетъ? *Ред.*

возможность быть сверхкомплектнымъ надзирателямъ за нравственностію воспитанниковъ и проч. Можетъ прискаты средства для преподаванія такихъ предметовъ, обученія которымъ теперь нѣтъ въ семинарской программѣ.

Изъ этого открывается, что епархіальное духовенство съ новыми средствами содержать семинарію имѣетъ вліяніе (хотя и не прямое и не оффиціальное) и на управленіе въ семинаріи, на усиленіе той или другой части, смотря по надобности, и путь этого вліянія притомъ самый широкій.

Попробуемъ указать еще нѣсколько сторонъ, на которыя духовенство можетъ имѣть вліяніе. Давно и много говорили о существованіи въ семинаріяхъ *штатовъ* воспитанниковъ, т. е. числа, больше котораго ихъ быть не можетъ въ семинаріи. Но сколько бы ни говорили объ ихъ несовременности, сколько бы ни указывали на нужду распространенія грамотности и образованія, на примѣръ свѣтскихъ школъ и проч., — штаты были необходимымъ явленіемъ въ семинаріи при средствахъ ея содержанія, бывшихъ доселѣ. Но особенно эти штаты не могутъ быть пріятны отцамъ воспитанниковъ и конечно уже самимъ исключеннымъ. Если принять во вниманіе привязанность отцовъ къ своему званію и ихъ бѣдность, спеціальность семинарскихъ программъ, мало пригодныхъ для занятій внѣ духовнаго сословія, и бѣдственную участь исключенныхъ, то это исключеніе изъ семинарій несравненно болѣе дѣлаетъ зла и отцамъ и воспитанникамъ, чѣмъ исключеніе изъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній.

Но, при новомъ способѣ содержанія семинарій, есть средства предотвратить это зло. Слѣдуетъ только принять за правило: не выпускать изъ семинарій до тѣхъ поръ, пока по долгомъ испытаніи не окажется воспитанникъ совершенно неисправимымъ и негоднымъ или заразительнымъ для другихъ. Повторяемъ, пра-

вило это возможно только тогда, когда увеличатся матеріальныя средства семинаріи, т. е. когда она будетъ въ состояніи дать лишнимъ по штату ученикамъ содержаніе, нанять лишнее число наставниковъ въ видахъ ихъ образованія, или увеличить плату тѣмъ, которымъ прибудеть отъ этого труда. При предполагаемомъ способѣ содержанія семинаріи, можетъ осуществиться это правило. Отцы конечно пожелаютъ, чтобы оно было принято.

И здѣсь, какъ видимъ, участіе епархіальнаго духовенства само собой имѣетъ мѣсто, и странно бы было отклонять это участіе. Епархіальное духовенство обратитъ на эту часть вниманіе если не въ видахъ процвѣтанія семинаріи, то, въ видахъ личныхъ интересовъ каждаго отца семейства, дастъ средства къ осуществленію этой мысли. Оно можетъ заявить желаніе объ открытіи новыхъ отдѣленій, исправительныхъ и приготовительныхъ классовъ, можетъ предложить нанять особыхъ педагоговъ и репетиторовъ для усугубленія успѣховъ малоуспѣшныхъ, для исправленія лѣнивыхъ и недостаточныхъ по нравственной части. А чрезъ это будутъ выигрывать не только отцы и дѣти, но и цѣлое заведеніе и епархія. Отцы, отдавая дѣтей въ школу, будутъ увѣрены, что ихъ дѣтей не исключать безвременно и безъ основательной и важной причины, что начальство приложитъ всѣ мѣры къ образованію ихъ и къ нравственному исправленію неисправныхъ; въ духовномъ сословіи будетъ болѣе образованныхъ людей и менѣе праздношатающихся; въ приходахъ поднимется образованіе, а можетъ быть и нравственность; семинарія пріобрѣтетъ педагогическую опытность — главное условіе хорошаго воспитанія дѣтей, и приметъ на себя одну изъ полезнѣйшихъ обществу, христіанскую обязанность исправлять.

Есть много и другихъ статей, къ которымъ не можетъ остаться равнодушнымъ епархіальное духовенство и, конечно, не пожа-

лѣтъ средствъ, чтобы поднять ихъ. Таковы напримѣръ статьи, касающіяся матеріальнаго содержанія ихъ дѣтей и физическаго здоровья — казенное пособіе нуждающимся воспитанникамъ, больницы, квартиры, движеніе, гигиеническія средства и все прочее, относящееся до внѣшняго благополучія и физическаго развитія дѣтей. При дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ и квартиръ, нуждаются въ пособіи не одни наставники, но и воспитанники; съ увеличеніемъ числа воспитанниковъ въ семинаріи и съ развитіемъ мысли, что лучше лѣчить болѣзнь при ея началѣ, чѣмъ выносить болѣзнь на себѣ, предоставляя лѣченіе ея природѣ, должно увеличиться и число врачующихся, а слѣдовательно должно увеличить и средства къ содержанію больницы. Отцы конечно не оставляютъ безъ вниманія и поддержки и этой части. При томъ число больныхъ не всегда одинаково; бываетъ иногда при эпидемическихъ болѣзняхъ нужда навять въ больницу лишняго врача противъ положеннаго штата, фельдшеровъ и лишнюю прислугу. Это было почти не возможно при прежнихъ средствахъ содержанія; теперь духовенство, видя нужду въ этомъ отношеніи, можетъ, при близости къ семинаріи и при скорости сношеній, усилить и эту часть по мѣрѣ надобности временнымъ или постояннымъ запаснымъ пособіемъ, если не позволяютъ этого постоянныя средства. Очевидно, что и здѣсь не только возможно и прилично, но и само собою является необходимымъ участіе священниковъ въ ходѣ дѣла семинаріи, и отклонять это участіе для семинаріи значило бы то-же, что вредить себѣ. Можетъ быть, епархіальное духовенство, при близкихъ отношеніяхъ къ семинаріи, пожелаетъ и найдетъ возможнымъ устроить казенныя квартиры воспитанникамъ и такимъ образомъ дать имъ приличное и здоровое помѣщеніе, дать возможность начальству уравнивать ихъ потребности и упорядочить средства содержанія соот-

вѣтственно цѣли ихъ назначенія и сообразно съ дѣйствительными нуждами воспитанниковъ; дать средство упорядочить ихъ внѣшній образъ жизни, одежду, пищу, движеніе и пользованіе общими дарами природы — свѣтомъ, воздухомъ и проч. А все это несравненно болѣе удобно при новомъ способѣ содержанія семинарій и при близкой связи между семинарією и епархіальнымъ духовенствомъ. Тогда яснѣе будутъ нужды семинаріи духовенству, легче отыщутся средства къ ихъ удовлетворенію и послѣднія вѣрнѣе пойдутъ къ цѣли по назначенію, если само духовенство пойметъ нужды семинаріи и пожелаетъ имъ удовлетворить.

Наконецъ разобщеніе семинаріи и приходовъ было невыгодно и наставникамъ и вообще заправляющему дѣломъ семинаріи начальству. Извѣстно, что отцы и матери всегда склонны видѣть своихъ дѣтей лучшими, чѣмъ они суть на самомъ дѣлѣ, а съ другой стороны желаютъ, чтобы объ ихъ дѣтяхъ заботились посторонніе гораздо болѣе, чѣмъ дѣлается. Это обстоятельство, въ связи съ совершеннымъ незнаніемъ отцами отчетовъ семинаріи о способностяхъ, прилежаніи и жизни ихъ дѣтей, а равно съ незнаніемъ предѣловъ обязанностей учащихся и начальства, позволяя оставаться самимъ въ заблужденіи, служить между прочимъ источникомъ недовольства и жалобъ ихъ на семинарію и ея начальство.

Строго судя, эти жалобы справедливы, но теперь отцы имѣютъ возможность улучшить семинарію, дать средства наставникамъ и начальству вести дѣло лучше, чѣмъ прежде. Мы несомнѣнно вѣримъ, что за этою мѣрою должно начаться дѣятельное преобразованіе семинарій.

Но мысль объ участіи епархіальнаго духовенства на ходъ образованія въ семинаріяхъ высказываемъ не мы первые; она уже

осуществляется, и на дѣлѣ идетъ даже гораздо дальше выше-сказанныхъ нами предположеній. Это участіе духовенства во всѣхъ дѣлахъ семинаріи принимаетъ характеръ официальный; примѣръ этого мы видимъ въ той-же смоленской епархіи.

Вотъ какъ современна и важна мѣра, принятая теперь для поддержанія семинаріи, и вотъ что эта мѣра обѣщаетъ въ будущемъ, при живомъ сочувствіи епархіальнаго духовенства процвѣтанію семинаріи и при близкомъ участіи его въ ея нуждахъ. Изъ этого видно и то, какъ чужды пониманія дѣла толки, будто дѣло идетъ только или главнымъ образомъ о прибавкѣ жалованья наставникамъ семинаріи, и какъ неосновательно мнѣніе нѣкоторыхъ, что собранной суммы въ костромской епархіи вполне, даже слишкомъ, достаточно для удовлетворенія нуждъ семинаріи.

Не разъ мы слышали выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «вотъ какъ мы заботимся о васъ» (т. е. наставникахъ), или намеки будто не за что прибавлять жалованья, потому что теперь въ семинаріи ходъ образованія не лучше того, который былъ въ прежнее время. Но очевидно, эти толки произошли отъ неяснаго пониманія дѣла. Развѣ идетъ дѣло только объ увеличеніи жалованья наставникамъ семинаріи? Надѣмся, что это мнѣніе падетъ, когда увидятъ на дѣлѣ распредѣленіе собранной съ епархіальнаго духовенства суммы, или когда оно заявится печатно, потому что сумма распредѣляется не на одно жалованье наставникамъ, а на нужды семинаріи вообще и на воспитанниковъ. Очевидно, что и это мнѣніе произошло отъ разобщенности семинаріи съ приходами и отъ положительнаго незнанія священниками экономической ея части. Другое мнѣніе «не за что прибавлять жалованья наставникамъ, потому что ходъ образованія теперь не лучше прежняго», также лишено всякаго основанія.

Развѣ предполагаемый новый окладъ жалованья назначенъ въ награду за прежнюю службу какъ пенсіонъ, развѣ новое жалованье выдается за нѣсколько протекшихъ лѣтъ службы? Оно дается наставникамъ не за прежнюю ихъ службу, а вслѣдствіе увеличившейся дороговизны содержанія, въ вознагражденіе ихъ трудовъ, и въ поощреніе къ трудамъ будущимъ. Притомъ и здѣсь то-же незнаніе семинаріи, незнаніе занятій и трудовъ наставниковъ. Но объ этомъ мы скажемъ далѣе.

(Продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ.

Высочайшія повелѣнія и распоряженіи св. синода.
Назначеніе оберъ-прокурора св. синода министромъ народнаго просвѣщенія. Указъ. Оберъ-прокурору св. синода, гофмейстеру, сенатору, графу Толстому Всемилоостивѣйше повелѣваемъ быть министромъ народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ въ прежнихъ званіяхъ и должности.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«**АЛЕКСАНДРЪ**».

Въ С.-Петербургѣ,
апрѣля 14-го дня 1866 г.

О нѣкоторыхъ мѣрахъ для содѣйствія, со стороны духовенства, дѣлу народнаго образованія. Высочайше учрежденное присутствіе по дѣламъ православнаго духовенства, обративъ вниманіе на отношенія духовенства къ дѣлу народнаго образованія, по журналу своему, отъ 2 февраля 1866 года, положило принять въ настоящее время между прочимъ слѣдующія мѣры:

1. Вообще, въ видахъ содѣйствія дѣлу народнаго образованія, вѣннить сельскимъ священникамъ въ непремѣнную обязанность въ проповѣдяхъ и поученіяхъ стараться располагать крестьянъ въ грамотности и обученію.

2. Нынѣ же отмѣнить преподаваніе въ семинаріяхъ медицины,

сельскаго хозяйства и естественной исторіи, и въ-замѣнъ оныхъ ввести въ семинарскій курсъ педагогику, какъ предметъ болѣе необходимый для будущихъ пастырей и учителей народа. Для преподаванія сего предмета назначить особаго наставника, которому предоставить, по распоряженію святѣйшаго синода, со-отвѣтственное содержаніе на счетъ суммъ отъ упраздняемыхъ кафедръ. А дабы не ограничиваться одною теоріею, въ настоящемъ случаѣ недостаточною для практическихъ цѣлей, учредить при семинаріяхъ воскресныя школы, гдѣ воспитанники семинарій, подъ руководствомъ преподавателя педагогики и подъ наблюденіемъ ректора, могли бы заниматься обученіемъ приходящихъ дѣтей. Духовно-учебному управленію при святѣйшемъ синодѣ предоставить снабдить семинаріи педагогическими руководствами какъ русскими, такъ и иностранными.

Государь Императоръ на означенномъ журналѣ присутствія по дѣламъ православнаго духовенства, въ 27 день февр. 1866 г., Высочайше соизволилъ написать собственноручно «Исполнить».

(Собр. Узак.).

О дозволеніи крестьянамъ временно-обязаннымъ собственникамъ являть духовныя завѣщанія въ волостныхъ правленіяхъ. Высочайше утвержденнымъ 9-го марта положеніемъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія повелѣно: предоставить тѣмъ изъ сельскихъ жителей, состоящихъ въ завѣдываніи учреждений по крестьянскимъ дѣламъ, которые того пожелаютъ, свидѣтельствовать духовныя свои завѣщанія о недвижимомъ и движимомъ ихъ имуществѣ, цѣною не свѣше ста рублей, въ волостныхъ правленіяхъ, коимъ они подвѣдомственны, съ наблюденіемъ при этомъ слѣдующаго порядка: а) духовное завѣщаніе должно быть словесно объявлено самимъ завѣщателемъ въ волостномъ правленіи, въ присутствіи членовъ онаго и не менѣе двухъ свидѣтелей; б) по таковомъ объявленіи, завѣщаніе записывается въ книгу сдѣлокъ и договоровъ. Подъ сею записью сперва подписываются завѣщатель и свидѣтели, въ случаѣ же неумѣнія ихъ грамотѣ, другія, по ихъ

просьбъ, лица, а потомъ и бывшіе при явкѣ завѣщанія члены волостнаго правленія, изъ коихъ неумѣющіе грамотѣ прикладываютъ должностныя свои печати; в) за-тѣмъ выдается завѣщателю точная со всего, что вписано въ книгу, выпись за подписью всѣхъ наличныхъ членовъ волостнаго правленія и за печатью онаго. Выписи эти имѣютъ, въ случаѣ спора, силу судебного доказательства воли завѣщателя, если признаются дѣйствительными, то есть не подложными. (*Собр. Узак.*).

По обрядамъ какой вѣры должны быть крещены незаконнорожденные младенцы, когда матери ихъ извѣстны и принадлежатъ къ лютеранской церкви. Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, *мнѣніемъ положилъ*: въ дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ постановить: незаконнорожденные младенцы, матери которыхъ извѣстны и принадлежатъ къ протестантскому вѣроисповѣданію, могутъ быть, по желанію сихъ послѣднихъ, крещены по обрядамъ евангелическо-лютеранской церкви. Его Императорское Величество мнѣніе государственнаго совѣта, 14 марта 1866 года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнять. (*Собр. Узак.*).

О свѣчномъ доходѣ по кладбищенскимъ церквамъ. Святѣйшій синодъ, принимая во вниманіе представленія преосвященныхъ епархіальныхъ архіереевъ о необходимости увеличенія крайне-ограниченнаго жалованья наставникамъ и скудныхъ окладовъ на содержаніе воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній, и имѣя въ виду, что главная статья дохода на содержаніе тѣхъ заведеній — свѣчная прибыль возвышается весьма медленно, увеличеніе же другихъ источниковъ, изъ числа существующихъ по духовно-учебному вѣдомству сборовъ и доходовъ, для покрытія настоятельныхъ издержекъ на означенные выше предметы не предвидится, — призналъ, что единственный въ настоящее время способъ увеличенія доходовъ, назначенныхъ на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній, заключается въ уничтоженіи изъятій изъ общаго правила о взносѣ свѣчнаго сбора на расходы

по духовно-учебному вѣдомству, допущенныхъ для нѣкоторыхъ церквей. Въ-слѣдствіе сего и принимая въ соображеніе, что 1) церкви кладбищенскія поставлены, особенно въ большихъ городахъ, въ лучшее положеніе сравнительно съ другими церквами, кои отъ взноса свѣчной прибыли не изъяты, 2) что хотя свѣчной доходъ отъ кладбищенскихъ церквей, по 1573 и 1584 ст. уст. общ. призр. ХІІІ т. св. зак., изд. 1857 г., и опредѣленъ къ поступленію въ составъ средствъ епархіальныхъ попечительствъ на призрѣніе бѣдныхъ духовнаго званія, но, во-первыхъ, попечительства, кромѣ сего источника, имѣютъ для своихъ расходовъ другіе значительные сборы, какъ то: благотворительныя приношенія, кружечные сборы, штрафныя деньги, взыскиваемыя по духовному вѣдомству, и проценты съ составившихся у нихъ капиталовъ, и, во-вторыхъ, съ приведеніемъ въ дѣйствіе устава о пенсіяхъ по духовному вѣдомству, часть издержекъ, производимыхъ нынѣ изъ суммъ попечительства, на будущее время упадетъ на источники, назначенные для производства пенсій и пособій, — святѣйшій синодъ опредѣленіемъ 26 января и 10 февраля сего года, между прочимъ, постановилъ: свѣчной доходъ по кладбищенскимъ церквамъ обратить на потребности духовно-учебныхъ заведеній, на что и предоставилъ господину синодальному оберъ-прокурору испросить Высочайшее разрѣшеніе, и между прочимъ приказали: взносъ свѣчнаго дохода отъ кладбищенскихъ церквей начать съ текущаго года, а отчеты о собираемыхъ по епархіи деньгахъ сего рода доставлять по принадлежности, на основаніи общихъ правилъ объ отчетности по свѣчному сбору. (21 марта 1866 г.).

Объ учрежденіи братствъ, съ цѣлію противодѣйствія расколу. По указу Его Императорскаго Величества, святѣйшій правительствующій синодъ слушали предложеніе г. синодальнаго оберъ-прокурора, отъ 27-го минувшаго января за № 505, въ которомъ изъяснено слѣдующее: изъ рапорта преосвященнаго саратовскаго, отъ 29-го октября минувшаго года святѣйшему синоду, извѣстно объ учреждаемомъ въ Саратовѣ, при киновіи

Спасо-Преображенскаго монастыря, братствъ св. Креста, имѣющимъ цѣлю противодѣйствовать расколу. Это благое предпріятіе, свидѣтельствуя о пробудившемся въ нашемъ обществѣ живомъ сочувствіи къ интересамъ св. церкви, можетъ имѣть самыя благотворныя послѣдствія въ будущемъ. Такія надежды находятъ для себя подкрѣпленіе въ-особенности въ томъ общезвѣстномъ историческомъ фактѣ, что подобныя же братства, существовавшія въ западномъ краѣ, послужили главнѣйшимъ и самымъ могущественнымъ орудіемъ къ сохраненію и поддержанію въ немъ православія, и въ этомъ отношеніи привесли ему неоцѣнимыя услуги. Полагая посему, что было бы полезнымъ вышеупомянутую, принятую по саратовской епархіи, мѣру противъ раскола примѣнить и къ другимъ епархіямъ, преимущественно зараженнымъ расколомъ, господинъ оберъ-прокуроръ предлагаетъ о семъ святѣйшему синоду, съ тѣмъ, что не признано ли будетъ удобнымъ и нужнымъ рекомендовать преосвященнымъ сихъ епархій, по соображеніи мѣстныхъ условій и потребностей, располагать ввѣренныя имъ паствы къ учрежденію, въ тѣхъ-же видахъ и на одинаковомъ основаніи, православныхъ братствъ, а для поставленія въ извѣстность, что уже сдѣлано по сему предмету, разослать къ преосвященнымъ проектъ устава братства св. Креста. Св. синодъ по справкѣ приказалъ: объ учрежденномъ въ г. Саратовѣ при церкви, что на подворьи саратовскаго мужескаго монастыря, братствѣ св. Креста, для противодѣйствія расколу, дать знать епархіальнымъ преосвященнымъ указомъ, съ означенною въ предложеніи г. оберъ-прокурора цѣлю; причемъ препроводить къ преосвященнымъ, для свѣдѣнія, по печатному экземпляру представленнаго преосвященнымъ Іоанникиемъ проекта устава братства св. Креста. (23 марта 1866 г.).

По дѣламъ о многобрачій лицъ православнаго исповѣданія. Святѣйшій синодъ въ опредѣленіи своемъ, $\frac{1}{13}$ августа 1865 года, между прочимъ, постановилъ: для введенія единообразія въ производствѣ дѣлъ о многобрачій вообще всѣхъ лицъ православнаго исповѣданія, какъ не служащихъ, такъ и служа-

щихъ въ военномъ вѣдомствѣ, сообщить г. военному министру, — не признаетъ ли онъ возможнымъ сдѣлать зависящее распоряженіе объ измѣненіи, установленнымъ порядкомъ, означенной 449 ст. 1-й книги военно-уголовнаго устава, сообразно Высочайше утвержденному, 6-го февраля 1850 года, мнѣнію государственнаго совѣта о поясненіяхъ и исправленіяхъ узаконеній о дѣйствительности и законности браковъ и о дѣгахъ, отъ сихъ браковъ рожденныхъ. Таковое опредѣленіе и было приведено въ исполненіе 23 августа 1865 года. Приказали: выписать следующие а) приказъ военнаго министра о послѣдовавшемъ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества повелѣніи относительно измѣненія 449 статьи 1-й книги военно-уголовнаго устава, и б) самый проектъ измѣненія означенной 449 статьи, по дѣламъ о многобрачій лицъ православнаго исповѣданія, объявить по духовному вѣдомству печатными указами, для свѣдѣнія и должнаго въ потребныхъ случаяхъ руководства. (26 февраля 1866 г.).

Сущствующее изложеніе.

Предполагаемое измѣненіе.

449. Дѣла о многобрачій служащихъ въ военномъ вѣдомствѣ, и опредѣленіе за оное, по правиламъ церковнымъ, наказанія, подлежатъ вѣдомству духовныхъ правительствъ. Но по окончаніи суда духовнаго надъ виновнымъ въ такомъ преступленіи святѣйшій синодъ немедленно установленнымъ порядкомъ сообщаетъ копію послѣдовавшаго приговора военному министру, для преданія преступника военному суду за учиненный чрезъ многобрачіе подлогъ. Духовная епитимія, назначаемая подсудимому за многобрачіе,

Дѣла о многобрачій служащихъ въ военномъ вѣдомствѣ относятся къ вѣдомству военно-уголовнаго суда, который приступаетъ къ рѣшенію оныхъ по истребованіи отъ суда духовнаго точныхъ свѣдѣній о совершеніи брака при существованіи уже другого. Свѣдѣнія сіи требуются отъ тѣхъ епархіальныхъ начальствъ, въ вѣдомствѣ коихъ, по представленнымъ актамъ или данымъ показаніямъ, браки были совершены. По полученіи сихъ свѣдѣній, военный судъ, постановивъ рѣшеніе по предметамъ дѣла подлежащимъ разсмотрѣнію